

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Екатерина Ивановна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158192

Аннотация

«Первый час ночи на исходе.

В большой барской столовой тот легкий беспорядок, который оставляет за собой ушедший день. Пусто; вверху, в люстре над столом, горит одна только лампочка, и это дает чувство неприятной асимметрии. В первую минуту кажется, что все в доме уже спят, но нет: слышны голоса. И, приглядевшись, видишь, что одна дверь неплотно закрыта, и в щель идет яркий свет, и за дверью громко и тревожно говорят двое, мужчина и женщина. Голоса то падают, то возвышаются почти до крика, перебиваются короткими, но глубокими паузами, раз даже слышны слова: «Ты лжешь!» – коротко и гневно выкрикивает мужской голос...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Действие второе	35
Действие третье	66
Действие четвертое	98

**Леонид Николаевич
Андреев
Екатерина Ивановна**
Пьеса в четырех действиях

Действующие лица

Георгий Дмитриевич Стибелев, видный общественный деятель.

Екатерина Ивановна, его жена.

Вера Игнатьевна, его мать.

Алексей Дмитриевич Стибелев, брат его, студент.

Татьяна Андреевна, мать Екатерины Ивановны.

Елизавета Ивановна (Лиза), сестра Екатерины Ивановны.

Аркадий Просперович Ментиков.

Павел Алексеевич Коромыслов, художник

Торопец, художник

Людвиг Станиславович, художник

Фомин, студент.

Тепловский.

Жура, племянник Коромыслова.

Гувернантка у Стибелевых.

Горничная Саша

Маша, горничная Коромыслова.

Действие первое

Первый час ночи на исходе.

В большой барской столовой тот легкий беспорядок, который оставляет за собой ушедший день. Пусто; вверху, в люстре над столом, горит одна только лампочка, и это дает чувство неприятной асимметрии. В первую минуту кажется, что все в доме уже спят, но нет: слышны голоса. И, приглядевшись, видишь, что одна дверь неплотно закрыта, и в щель идет яркий свет, и за дверью громко и тревожно говорят двое, мужчина и женщина. Голоса то падают, то возвышаются почти до крика, перебиваются короткими, но глубокими паузами, раз даже слышны слова: «Ты лжешь!» – коротко и гневно выкрикивает мужской голос.

В наступившей паузе слышнее стук маятника. Приоткрывается досель незаметная дверь в левой стене, и наполовину выходит студент, высокий, безбородый, с длинной шеей, в тужурке; в руках у него маленький поднос с двумя пустыми стаканами от чая. Что-то, извиняясь, говорит назад, в свою комнату, и приотворяет дверь. Осторожно, чтобы не стукнуть, ставит поднос на стол и, внимательно вытянув шею, прислушивается к голосам, возоб-

новившим свой непонятный, тревожный и тяжелый спор. Потом так осторожно, без шума, возвращается назад и плотно закрывает за собою дверь. Голоса становятся громче.

Мужчина. А я тебе говорю...

Женщина. Ты не смеешь, это подло!

Мужчина. Молчать! Ложь! Ты уличная...

Женщина. Что ты, Горя! погоди! Не тронь! Нет, нет.

Слова обрываются, мгновение полной и глубокой тишины – и один другим раздаются два выстрела: раз! раз! – И сразу пропадает тишина и все становится криком, шумом, беготней. Из-за двери, откуда стреляли выскальзывает полуодетая женщина и быстро пробегает, что-то крича в столовую; за нею, стукнувшись о притолку, выбегает высокий, без пиджака, мужчина и еще раз стреляет ей вслед: со стены сверху валятся осколки разбитой тарелки. Но стреляющего уже охватили по плечам крепкие руки: то выбежал из своей комнаты студент в тужурке и борется, отнимая револьвер. За ним стоит растерянно второй студент, в сюртуке, видимо, посторонний в доме, не знает, что ему делать.

Георгий Дмитриевич. Пусти! Я ее убью! Она...

Алексей. Отдай револьвер!

Георгий Дмитриевич. Пусти, ты меня душишь.
(Роняет на пол револьвер.)

Алексей. Фомин, возьмите. Да револьвер, револьвер возьмите... а, черт! Ну и сильный же ты, Горька, вот не ожидал, что ты такой сильный. Сиди!

Сажает его на стул. Фомин, все так же неловко и растерянно держась, поднимает револьвер и прячет в карман.

Георгий Дмитриевич. Я ее ранил.

Алексей. Нет, цела.

Георгий Дмитриевич. Второй попал.

Алексей. Нет, цела, бежала. Боже мой, что же это! Надо узнать. Фомин, пойдите узнайте.

Фомин. Я не знаю, куда идти.

Алексей. Да в дверь, да в ту, в ту... а, черт! Товарищ первый раз пришел, а ты тут такое... Ах, Горюшка, Гори да что же это! Воды хочешь? – у тебя руки дрожат, можно, как можно!

Георгий Дмитриевич. Да пусти ты меня!

Алексей. Прости, забыл. Горя, брат, что...

Георгий Дмитриевич. Она изменила мне.

Алексей. Врешь!

Георгий Дмитриевич. Какая подлость, Боже мой, Боже мой! Ах, брат Алеша, брат Алеша, что делается на свете! Ты подумай: наша Катя, наша чистая Катя... ведь и ты любил ее, это правда, любил? – скажи!

Алексей. Да и люблю! И не... Вам что надо, что вы лезете?

*Полуодетая горничная в двери из внутренних ком-
нат.*

Горничная. Я... я думала...

Алексей. Убирайтесь! Тоже – лезут!

Георгий Дмитриевич. Никого не пускай.

Алексей. Нет, нет. Ты что говоришь?

Георгий Дмитриевич. Я ничего. Изменила, брат,
изменила!

Алексей. Конечно, любил и люблю. И не поверю,
пока сам...

Георгий Дмитриевич. Молчи! Раз я тебе говорю...
или я так ни с того ни с сего стану стрелять в челове-
ка? Я!

Алексей. Да уж! Сиди, сиди, верю. Что же он не
идет?

Георгий Дмитриевич. Кто?

Алексей. Фомин.

Георгий Дмитриевич. Она ранена?

Алексей. Неизвестно. Сейчас придет Фомин... чего
тебе, воды?

Георгий Дмитриевич. Да.

Алексей. Вот, пей... как руки-то дрожат.

Георгий Дмитриевич. Ты подумай: у женщины
двое детей!

Алексей. Ладно, ладно... А, Фомин, наконец, ну
что? – что вы там пропали.

Фомин. Ничего. Я не мог найти дороги. Пошел в какую-то дверь.

Алексей. Да что ничего... а, черт! Она ранена?

Фомин. Нет, нет, нисколько.

Алексей. Ну, и слава Богу.

Георгий Дмитриевич громко смеется.

Фомин. Там какая-то пожилая дама... Да вот!

Громко плача, входит высокая, полная дама, одета наскоро по-ночному, торопится.

Вера Игнатьевна. Горюшка, что же это, голубчик ты мой, Горюшка! Слышу... ночью... стреляют... До чего я дожила, Господи! Слышу... ночью... стреляют...

Георгий Дмитриевич (*нетерпеливо и резко*). Ах, мама! Ну и ночью, ну и стреляют, ну и что же? Ах, мама, всегда вы не те слова скажете, что надо.

Алексей. Молчи, Горя. Не плачь же, мама, успокойся, все благополучно.

Вера Игнатьевна (*плачет*). Какое же это благополучно. Ранена она, что ли?

Алексей. Да нет, мимо. Промах!

Георгий Дмитриевич (*смеется*). Мимо!

Вера Игнатьевна (*плачет*). Хоть бы о детях подумали. Двое детей ведь.

Георгий Дмитриевич. Мама!

Вера Игнатьевна. Что теперь будет? Член Думы,

депутат, и так тобою все гордятся, и вдруг теперь под суд как какой-нибудь уличный...

Алексей. Ничего не будет, мама, никто не узнает.

Вера Игнатьевна. Как никто – а прислуга? Ты посмотри сейчас, что на кухне делается. Сюда-то боятся идти; Саша уж за дворником хотела бежать, да я ее не пустила: куда, говорю, дура, тебе это послышалось! Завтра же к отцу в деревню уеду, завтра же! Всегда я тебе говорила, Горя, что она плохая женщина...

Георгий Дмитриевич. Молчите, мама, вы не смеете...

Вера Игнатьевна. А стрелять лучше? Слушал бы, Горюшка, мать, так и стрелять не нужно было бы.

Алексей. Ты ее не знаешь, мама. Молчи!

Фомин (тихо). Стибелев, может быть, мне уйти?

Алексей (громко). Да чего уж: раз попал в свидетели так сиди. Правда, посидите, Фомин, а то так все это... Хочешь вина, Горя?

Георгий Дмитриевич. Нет.

Алексей. Иди оденься, ты весь дрожишь. Дать пиджак? Я дам.

Георгий Дмитриевич. Нет. Что она делает?

Алексей. Сейчас узнаю.

Георгий Дмитриевич. Пусть сейчас же уезжает. Сейчас же, слышишь?!

Алексей. Да, да, я ей скажу. Да, думаю, она и те-

перь не останется. Вы тут посидите, я сейчас...

Георгий Дмитриевич. Денег дай ей.

Алексей. Какие еще деньги!

Георгий Дмитриевич. Говорю – дай. И немедленно уезжала! Алексей!

Алексей (*оборачиваясь от двери*). Да что?

Георгий Дмитриевич. Чтобы немедленно уезжала.

Алексей. Да уж! Сама не останется, я думаю... Хорошо, хорошо! (*Уходит.*)

Вера Игнатьевна. Садитесь, молодой человек. Как ваша фамилия?

Фомин. Фомин. Я товарищ вашего сына.

Вера Игнатьевна. Вот как Бог привел познакомиться! Садитесь. Который же теперь час?

Фомин. Без десяти минут час. Ваши отстают на пять минут.

Вера Игнатьевна. Ох, Господи, вся еще ночь впереди, а я уж думала... Горюшка, надень что-нибудь, голубчик, тебе холодно.

Георгий Дмитриевич (*ходит по комнате*). Нет!

Вера Игнатьевна. Это ты разбил тарелку? Горюшка, сын ты мой несчастный, так как же мы теперь с тобой будем? (*Плачет.*)

Георгий Дмитриевич. Не знаю, мама, как-нибудь проживем.

Вера Игнатъевна. Ты ей детей не отдавай, Горя! Она их развратит.

Георгий Дмитриевич. У меня нет детей. У меня ничего нет.

Вера Игнатъевна. Как ничего? А Бог?

Георгий Дмитриевич смеется, не отвечая.

Стыдно так, Горя!

Фомин (нерешительно). Может быть, я лишний? Да и пора мне.

Георгий Дмитриевич. Оставайтесь. *(Брезгливо и резко.)* Как вы не поймете, коллега, что сейчас не может быть посторонних. Смешно и дико: только сейчас чуть не был убит человек, смерть еще стоит в углу, а он говорит: посторонний, лишний! Когда все спокойно, тогда он не лишний, а как только нужно, как только что-нибудь случилось... Нелепость какая!

Вера Игнатъевна. Не волнуйся, Горюшка, молодой человек побудет. Побудьте, молодой человек, а то нам страшно.

Фомин. Я с удовольствием.

Георгий Дмитриевич. Вместо того чтобы бежать куда-то и прятаться, вы лучше посмотрите внимательно и подумайте, что делается. Вы еще молоды, вам это может пригоди... пригодиться. Мама, это дети плачут?

Вера Игнатъевна. Нет, не слышу. А может быть и

плачут.

Плачет.

Георгий Дмитриевич. Да, пусть плачут. Вы посмотрите: ведь это ночь. Вы понимаете: ночь. И дом, хороший дом: видите, какая роскошь? А там плачут дети...

Вера Игнатьевна. Она тебе создалась?

Георгий Дмитриевич. Да, почти. Не мешает мама. И вы подумайте... ведь вы знаете меня.

Фомин. Как же! Я и в Думе вас слышал.

Вера Игнатьевна. Надел бы ты пиджак, Горя.

Георгий Дмитриевич. Нет. И вы подумайте: что нужно пережить, испытать человеку, такому, как я, чтобы взять револьвер и... Да, о чем я сейчас говорил? Да: я говорил, что ночь. Вот где ночь (*бьет себя по лбу*), понимаете? – вот где ночь. Да что там делают с детьми, бьют их что ли! Это невозможно.

*Быстро открывається дверь в столовую, и на пороге показывается **Екатерина Ивановна**, жена. За нею Алексей, безуспешно старается удержать ее.*

Екатерина Ивановна. Я уезжаю, вы слышите, уезжаю! Но вы подлец, да, да, вы хотели убить меня...

Георгий Дмитриевич (*бешено*). Уберите ее! Иначе... Вон!

Алексей. Катя!..

Екатерина Ивановна. Вы хотели убить меня! (*Закрывает глаза ладонями рук и закидывает голову*

назад, точно готовясь упасть.)

Алексей. Да, да, – ах, да уходи же, Катя, ты с ума сошла!

Екатерина Ивановна *(оборачиваясь к нему)*. Алеша, Алеша, он хотел убить меня... Только Бог... для детей... Только Бог спас...

С внезапным рыданием уходит. Алексей сзади загоразживает ее.

Георгий Дмитриевич *(делая шаг к двери)*. Вон!..

Вера Игнатьевна *(в ужасе)*. Горя!..

Фомин. Послушайте же...

Вера Игнатьевна. Горя... Пожалей меня, Горя! Я не могу... Я сейчас... Воды мне дайте, воды!..

Фомин. Послушайте, нельзя же, послушайте...

Георгий Дмитриевич. Ну хорошо, ну хорошо... дайте же ей воды.

Вера Игнатьевна в полуистерике пьет воду. Входит Алексей и на ходу быстро взглядывает на мать, потом на брата.

Алексей. Так... Ты еще что, мама?

Вера Игнатьевна. Я ничего, уже прошло. Горя, Горя...

Георгий Дмитриевич. Зачем ты пустил ее сюда? – силы не хватило удержать?

Алексей *(угрюмо)*. Не хватило. Она совсем с ума сошла.

Георгий Дмитриевич. Отчего плачут дети?

Алексей. Оттого, что их одевают. А и плохо же ты стреляешь, брат Георгий!..

Георгий Дмитриевич. Хм... А лучше было бы, если бы убил, так, по-твоему?

Алексей. Может быть, и лучше.

Георгий Дмитриевич. Как тебе известно, я не умею стрелять. Я не спортсмен...

Алексей. А не спортсмен и не умеешь стрелять, так и не берись.

Георгий Дмитриевич. Алексей!..

Алексей. Ну, ну, не сердись, я и сам, кажется, немного ошалел. С вами ошалеешь.

Георгий Дмитриевич. Это рассуждение спортсмена. Ты слишком много времени посвящаешь гимнастике и борьбе, и твои взгляды – извини – отдают ареной. В мое время студенты...

Алексей. Верно, Горюшка, верно. Спортсмен и говорю глупости. Прости, милый, не сердись, ну, дай руку, ну, ладно. Я тебе сейчас пиджак принесу – где он, в кабинете?

Георгий Дмитриевич. Да. Не надо.

Алексей. Нет, надо. Некрасиво так-то бегать. Что, брат, ни говори, а пиджак – это приличие, и человек без пиджака... *(Уходит в кабинет.)*

Георгий Дмитриевич. Алексей!..

Вера Игнатъевна. Он так тебя любит, Горюшка, он это нарочно шутит, чтобы успокоить тебя. Выпил бы ты вина, Горя.

Георгий Дмитриевич. Дайте.

*Вера Игнатъевна встает, чтобы достать из буфета вино. Одновременно из разных дверей входят Алексей с пиджаком в руках и **Гувернантка**-француженка, кокетливая, завитая; держится вызывающе.*

Гувернантка. Мадам просила сказать...

Алексей. Ну-ка, надень, Горя. Что Екатерина Ивановна просила передать?

Гувернантка. Мадам просила передать Георгию Дмитриевичу, что она возьмет для Катечки их шубу, так как на улице большой холод.

Георгий Дмитриевич. Да, да, пожалуйста.

Гувернантка. Завтра шубу пришлют.

Алексей. Скажите, хорошо. Вам еще что-нибудь надо?

Гувернантка. Мне? Нет, ничего.

Уходит, прищурив глаза на Георгия Дмитриевича.
Молчание.

Георгий Дмитриевич. Вот что, мама: я знаю, вам это неприятно сейчас... Пойдите, посмотрите, что там дети, как их одевают и вообще. Только, пожалуйста, мама, ни слова не говорите... Екатерине Ивановне: достаточно...

Вера Игнатъевна. А что мне ей говорить? Что надо было сказать, то уж сказала. А теперь что ж говорить. А как же ты тут? – уж ты, Алеша, его не оставляй.

Алексей. Хорошо, хорошо, мама. Иди. Дай-ка и мне. Горя, стаканчик вина. Фомин, вы не хотите?

Фомин. Нет, Стибелев, благодарю.

Вера Игнатъевна уходит.

Алексей. Горюшка, а не пройдем мы с тобой на минутку в кабинет?

Георгий Дмитриевич. В кабинет? Нет, не хочу.

Алексей. Да, да... Ну, так вот что: пойдите, Фомин, на минутку ко мне в комнату, покурите. Я вас потом позову.

Георгий Дмитриевич. Может быть, коллега домой хочет?

Фомин. Нет, я с удовольствием посижу. Еще рано. *(Уходит.)*

Георгий Дмитриевич. Ну и дубина же этот товарищ.

Алексей. Нет, это он от деликатности не знает, что ему делать... Сам посуди, положение ведь, действительно неловкое. Горя... Ты что же это, Горя, а?

Георгий Дмитриевич. Как видишь, Алеша.

Алексей. Ты где револьвер взял? – я сперва подумал, что это ты моим воспользовался.

Георгий Дмитриевич. Нет, третьего дня купил.

Алексей. Так, купил. Значит, с заранее обдуман-
ным намерением?

Георгий Дмитриевич. Значит. Как это страшно,
брат, когда среди ночи одевают детей, чтобы ехать, и
дети плачут. Катечка в моей шубе... э, да не все ли
равно теперь, Вот тебе и жизнь моя, Алексей, вот те-
бе и жизнь. Какая тоска!

Алексей. Ты не сердись на меня, Горя, но... уве-
рен ли ты, что... Конечно, если у тебя на руках факты,
то... Но никак, никак не могу я себе представить, что-
бы Екатерина Ивановна, Катя...

Георгий Дмитриевич. А я мог? Но факты, брат,
факты!

Алексей (*с недоверием*). Конечно, если факты...
Нет, нет, я ничего не говорю, я только удивляюсь. Ведь
пять лет вы с нею жили...

Георгий Дмитриевич. Почти шесть...

Алексей. Почти шесть, – и ведь ничего же не было
такого? И Катя... и ты сам же звал ее «не тронь меня»,
да и все мы... и просто, наконец, она не похожа на
женщин, которые изменяют!

Георгий Дмитриевич. Зови ее Екатерина Иванов-
на.

Молчание.

Что она там делает? – ты говоришь: с ума сошла.

Алексей. Укладывалась, когда я пришел.

Георгий Дмитриевич. Она очень... испугана?

Алексей. Да, кажется. Может быть, тебе сейчас тяжело об этом говорить? – тогда давай о чем-нибудь другом.

Георгий Дмитриевич. Давай о другом. Но какое все-таки счастье, что я не попал в нее! И неужели это могло быть, и пуля могла попасть в нее и убить. Убить? – странное слово. Да, я стрелял. Три раза, кажется? Да, три раза.

Алексей. Ты в кабинете стекло в книжном шкафу разбил.

Георгий Дмитриевич. А вторая пуля где?

Алексей. Не видал.

Георгий Дмитриевич. Надо поискать. Третья здесь... Алеша?

Алексей. Ну?

Георгий Дмитриевич. Тебе кажется это диким? О чем ты думаешь?

Алексей. Да все о том, как ты плохо стреляешь. Послушай, Горя, если тебе не больно об этом говорить... я все никак, брат, не могу представить... Кто он, ну, этот самый?

Молчание.

Коромыслов, да?

Георгий Дмитриевич. Почему Коромыслов? (*Подозрительно.*) Почему Коромыслов? У тебя есть ка-

кие-нибудь данные? Почему Коромыслов?

Алексей. Постой, какие данные... я просто спрашиваю тебя.

Георгий Дмитриевич. Но ты сказал: Коромыслов.

Алексей. А, черт! Перебирал всех, кого знаю, ну и он самый интересный, художник, наконец, и вообще красивый человек. И Катя у него часто бывала, и вид у него такой, что он это может... ну, доволен? Вот мои основания.

Георгий Дмитриевич. Нет, ты с ума сошел: Коромыслов! Павел – мой друг, настоящий, единственный, искренний друг и... Ментиков, да, да, не делай большие глаза, – Ментиков!

Алексей. Постой, я не делаю глаза... Какой Ментиков? Аркадий Просперович, этот? Ментиков?

Георгий Дмитриевич. Да что ты затвердил! Этот, ну да, этот, потому что другого нет и... перестань же, Алексей, я тебя прошу. Человек каждый день бывает у нас в доме, а ты припоминаешь его, как будто первый раз в жизни услышал. Что за комедия!

Алексей. Это ничтожество? *(Разводит руками.)* Ну, Горя, конечно, ты сейчас в таком состоянии, но я был лучшего мнения о... ну, да ты уж не сердись, брат: я был лучшего мнения о твоих умственных способностях.

Георгий Дмитриевич. Да?

Алексей. Да. Стрелял в человека, только случайно его не убил – и за что? В конце концов, пожалуй, и хорошо, что ты не умеешь стрелять: ты мой старший брат, и я вообще многим тебе обязан, но я прямо скажу – таким людям, как ты, нельзя давать в руки оружия. Прости.

Георгий Дмитриевич. Ах, Алексей, Алексей!

Алексей. Да. Прости.

Георгий Дмитриевич. Куда ты?

Алексей. К Кате.

Георгий Дмитриевич. Милый ты мой мальчик! У тебя мускулы, как у атлета, из тебя вырабатывается стойкий, сильный и даже красивый – да, да, красивый! – мужчина, но тебе всего двадцать три...

Алексей. Двадцать два пока.

Георгий Дмитриевич. Двадцать два года, и ты ничего не понимаешь! Ты думаешь, что в жизни страшны и опасны только сильные, – нет, голубчик, сильные страшны лишь для слабых и ничтожных. А для нас, сильных, для таких, как ты и как я, пожалуй, – страшны именно ничтожные. Как может Павел Коромыслов отнять у меня женщину... жену, когда я сильнее Коромыслова, так же по-своему талантлив, так же умен, и, наконец, приемы борьбы у нас одни и те же! Но ничтожество, которого не опасаясь, которого ты даже не замечаешь, потому что оно ползает ниже уровня

твоего взгляда; ничтожество, у которого свои аппетиты, желаньца, которого ничем нельзя оскорбить, которое втирается, терпит плевки, страдальчески хлопает глазками и, наконец, в одну из тех минут, когда женщина...

Алексей. Это невыносимо слушать!

Георгий Дмитриевич. Да? И ничтожество еще тем соблазнительно для женщины, Алеша, что с ним нет греха. Разве он человек? разве он мужчина? Так, подползло что-то в темноте, и... Потом его можно выгнать, потом все можно забыть... искренно забыть, как умеют забывать женщины, забыть даже до возмущения, если кто-нибудь осмелится напомнить. Как? Я? – с ним? Правда, иногда от ничтожеств рождаются дети... У нас нет коньяку? – это вода, а не вино. Дай мне коньяку, скорее!

Алексей молча ищет в буфете.

Меня потягивает так, будто я смертельно хочу спать.

Алексей (не оборачиваясь). Реакция.

Георгий Дмитриевич. Уже? Нет, для реакции рано. Ну, что же?

Алексей. Коньяку нет, Горя. Можно добыть, если хочешь, я пошлю Фомина.

Георгий Дмитриевич. Нет, не надо. Ты заметил, что Екатерина Ивановна последнее время была

неразлучна с этим господином?

Алексей. Он и у тебя был на побегушках.

Георгий Дмитриевич (*смеется*). Да, да! В том-то и ужас, Алеша, в том-то и ужас, что он очень услужлив и даже мил – даже мил. Он всегда под рукою, и еще то приятно, что над ним всегда можно посмеяться, поострить... Впрочем, я, кажется, сейчас не могу говорить.

Алексей. Тебе нехорошо.

Георгий Дмитриевич. Одним словом, она была с ним на свидании, у него в номерах. Она говорит, что ходила затем, чтобы дать ему по морде, и дала! Он, видишь ли, уже два года пристает к ней, умоляет, пишет письма...

Алексей. Почему же она сама не написала ему? – или не сказала тебе?

Георгий Дмитриевич. Да вот – почему? Потому, видишь ли, что она ему и писала и говорила, да он не верит.

Алексей. По физиономии можно было и у нас в доме дать.

Георгий Дмитриевич. Ты думаешь? Ну вот, а она пошла к нему для этого в номера и была там два часа... да, да, не удивляйся точности, два часа с минутами. Я был на улице.

Алексей. Анонимка?

Георгий Дмитриевич. Да. Коньяку нет?

Алексей. Я уже сказал тебе, что нет... Я бы не пошел.

Георгий Дмитриевич. Ты думаешь, я придал значение этому... визиту? Нет, ни малейшего, и поверь мне, Алеша, мне было смешно. Вот, думаю, посмеешь ее. И все улыбался, все улыбался! *(Смеется.)* Ведь, ведь как хочешь, Алеша, шесть лет! Правда, в последний год я видел ее мало: я занятой человек, я общественный деятель, у меня шея трещит от работы!.. и не могу же я следить за каждым ее шагом...

Алексей. Конечно.

Георгий Дмитриевич. У меня своего дела много! Знал, что все хорошо, и дети здоровы, и... ну, да что! И вечером, уже вечером, с явным намерением спрашиваю ее, улыбаюсь, – идиот! – и спрашиваю: отчего... отчего у тебя такие томные глаза, Катя? – Разве? – Все улыбаюсь: где ты была сегодня утром? И...

Алексей. Ну?

Георгий Дмитриевич. Солгала. Я ничего не стал говорить ей, но, Алеша, что со мной было в тот вечер! Ко мне приклеилась эта подлая улыбка, – ведь она была не без хитрости, Алеша! – и ничем не могу стереть ее! Лежу на диване и плачу, а сам у... у... улыбаюсь. *(Отходит в угол, некоторое время стоит лицом к стене).*

Алексей. Горя!

Георгий Дмитриевич (*не оборачиваясь*). Если бы... сегодня... ты не вырвал у меня револьвера... Молчи, молчи! Я сейчас.

Алексей. Горя! Я позвоню Коромыслову, пусть придет.

Георгий Дмитриевич. Павлу? Позвони. Павлу позвони. Сегодня она тоже лгала в начале разговора... да и в конце тоже. Позвони Павлу, да еще... Нет, ничего, позвони и скажи, что очень нужно, необходимо.

Алексей. Я быстро. Только дома ли он? Ну, ну, Горя, я сейчас.

Уходит в кабинет. Георгий Дмитриевич один. Медленно бродит по комнате, лицо его выражает открытое горе. Входит Вера Игнатьевна.

Вера Игнатьевна. Горюшка, походи поцелуй детей. Катечка тебя зовет, плачет...

Георгий Дмитриевич. А она?

Вера Игнатьевна. Она уехала, Горюшка, она вперед поехала с Сашей. Дети с бонной поедут.

Георгий Дмитриевич. Уехала?

Вера Игнатьевна. Да, к Дементьевым. Пойди, Горюшка, детки тебя ждут.

Георгий Дмитриевич. Нет, не хочу.

Вера Игнатьевна. Катюшка плачет.

Георгий Дмитриевич. Нет. Пусть едут.

Вера Игнатъевна. Благослови их, Горюшка, нехорошо им будет.

Георгий Дмитриевич, плача, становится на колени перед матерью и прячет голову у нее на коленях.

Георгий Дмитриевич. Мама, мамочка, милая моя мамочка, как же я буду жить! Как же я буду жить, я убью себя, мамочка!

Вера Игнатъевна (*плачет и гладит его волосы*). Сыночек ты мой, Горюшка, сыночек ты мой, не надо, голубчик, я с тобой, Горюшка...

В дверях показывается Алексей, но мать предостерегающе машет ему рукой, и он скрывается.

Георгий Дмитриевич. Мне страшно, я убью себя, мамочка.

Вера Игнатъевна. Зачем же, Горюшка, не надо, сыночек. Ты у меня милый, сыночек, тобою родина гордится, ты у меня славный, славный. Только бесчестные себя убивают, кто честь потерял, а ты ни в чем не виноват...

Показывается в дверях бонна, но Вера Игнатъевна сердито машет ей рукой, и бонна скрывается.

Ты у меня хороший, тебя все любят, за тебя Бог заступник: не дал тебе человека убить... Пстой, Горюшка, надо деток проводить...

Георгий Дмитриевич (*встает*). Поцелуйте их, мама, я не могу.

Вера Игнатъевна. Ну ничего, другой раз поцелуешь. Они тепло одеты, доедут. *(Зовет.)* Алеша! Алеша!

Фомин входит.

Ох, Господи, это еще кто? Ах, это вы, молодой человек, а я думала, что вы уж ушли.

Фомин. Я не знаю. Мне послышалось, но я могу...

Вера Игнатъевна. Ничего, ничего, голубчик, какие теперь извинения. Алеша! Алеша!

Алексей входит, говорит притворно-веселым голосом.

Алексей. Сейчас приедет.

Вера Игнатъевна *(с порога)*. Кто приедет?

Алексей. Павел Алексеич. Я ему звонил, он только что вернулся откуда-то. Удивительный человек, когда услышал, что нужно не спать ночь, выразил крайнюю радость! Вот человек, Фомин, который ненавидит сон!

Георгий Дмитриевич. Ты ему сказал?

Алексей. Да, немного. Да ну, Фомин, приободритесь, какого черта! Папиросу хочешь, Горя?

Георгий Дмитриевич молча берет папиросу.

Фомин. В сущности, я могу не спать сколько угодно, одну ночь или две – мне все равно. Но вы понимаете, что мое положение... Мне просто неловко.

Георгий Дмитриевич. Все ловко, коллега. Вы юрист?

Фомин. Юрист.

Георгий Дмитриевич. Все ловко, коллега. А знаешь, Алексей, вино-то крепкое: я, кажется, немного опьянел, голова кружится, и мальчишки кровавые в глазах. Были при Годунове часы? Глупый вопрос, но ты не удивляйся: я смотрю на циферблат, и сегодня он совершенно особенный, живой и смотрит. Эх, нервы! У вас есть нервы, коллега?

Фомин (*улыбаясь*). Как вам сказать? Пока еще не было случая себя испытать, но, думаю, что у меня нервы, как и у всех людей.

Алексей. Он, Горя, спортсмен, как и я.

Георгий Дмитриевич. Выжимаете?

Алексей. Да. И фехтует, и бокс, и на лыжах ходит. Мы как раз сегодня обсуждали план одной прогулки на лыжах... Эх, Горюшка, присоединился бы ты к нам.

Георгий Дмитриевич. Стар.

Алексей. Глупости. Ты бы только раз воздухом розным дыхнул по-настоящему, так у тебя в мозгах такое просветление бы наступило – верно, Фомин?

Георгий Дмитриевич. Стар. Пойди, Алеша, посмотри – уехали ли дети?

Алексей. Сейчас, Горюшка.

Уходит. Неловкое молчание.

Георгий Дмитриевич. А стрелять вы также умеете?

Фомин. Нет.

Георгий Дмитриевич. Стрелять надо уметь. Неудачный выстрел – даже в себя, даже в друга или любовницу – оставляет чувство стыда.

Фомин. Я этого не понимаю. Почему же чувство стыда? – не всегда хорошо убить человека. И, как я слышал, многие самоубийцы, оставшиеся в живых, потом благодарили судьбу за то, что плохо стреляли.

Георгий Дмитриевич. Да? И я этого не понимаю. Но стыд есть, есть, коллега, стыд, это факт.

Фомин. А может быть, и совсем не надо стрелять?

Георгий Дмитриевич. А зачем же тогда делают револьверы?

Оба смеются.

Фомин. Вы это в Думе скажите, Георгий Дмитриевич.

Входит Алексей.

Алексей. Я маму уложил, она едва на ногах держится. Обещал ей беречь и охранять тебя, Горя. Только ты уж постарайся оправдать доверие.

Георгий Дмитриевич. Уехали?

Алексей. Да.

Георгий Дмитриевич. И в детской пусто?

Алексей. Ну, а как же быть, конечно, пусто... Так вот, Фомин, на лыжах, значит, послезавтра...

Георгий Дмитриевич. Пусто? Что это значит, Алек-

сей: в детских пусто?

Алексей. Ну, оставь, Горя.

Георгий Дмитриевич. Что это значит, Алексей? Я хочу пойти посмотреть, что это значит.

Алексей. Горя!

Георгий Дмитриевич. Пусти, тебе говорю. Руки прочь! – как ты смеешь мешать. И что это вы, господа, воображаете, кто вам дал право здесь распоряжаться? Этот дом мой, слышишь? И детские пустые – мои, и вот это пустое (*бьет себя в грудь*) – мое. А, мама! Ты это откуда? Что это ты тащишь? Смотрите, она что-то тащит.

Вера Игнатъевна несет постельные принадлежности.

Вера Игнатъевна. Я и забыла, Горюшка, постель тебе в кабинете приготовить.

Георгий Дмитриевич. В кабинете?

Вера Игнатъевна. Ложусь, а тут вдруг вспомнила... а как же постель-то? Саша-то с Екатериной Ивановной поехала, одна, говорит, боится ехать... (*Проходит в кабинет.*)

Алексей. Хочешь, я с тобою лягу, Горя?

Георгий Дмитриевич. Нет, не хочу. А где дети? Вы, коллега, напрасно смотрите на меня такими безумными глазами, глазами испуганной газели, – я шучу: я прекрасно знаю, что дети уехали, и слышал звонок.

В передней звонок.

И меня только удивляет братец мой, Алексей Дмитрич, спортсмен: он никак не может понять, что это значит, когда в детских пусто. Он никак не может понять, что это значит, когда в спальне пусто, когда в доме пусто, когда в мире...

Алексей (*шепотом*). Пойдите откройте, Фомин.

Фомин уходит.

Георгий Дмитриевич. Прошу не шептаться! Я тебе говорю, Алексей: ты, кажется, забыл, что ты мой брат.

Алексей. Помню, Горя, помню.

Георгий Дмитриевич. А если помнишь, Алексей... А если помнишь, то убей ты меня, Алеша, – ты не промахнешься, как я: три раза стрелял и разбил только тарелку (*смеется*). Понимаешь, как это остроумно, и ведь это же символ: только тарелку.

Входит Коромыслов, и за ним Фомин.

Коромыслов. Здравствуй, Георгий.

Георгий Дмитриевич. Здравствуй, Павел. Приехал?

Коромыслов. Приехал. Ты это что?

Георгий Дмитриевич. Тарелки бил.

Коромыслов. Тарелки бьешь, а коньяк у вас есть? Нету? Чего ж ты мне не сказал, Алексей, я б привез. А вино какое? – нет, это не годится. Что, брат, раскис? (*Целует Георгия Дмитриевича в лоб.*) Ого, а лоб-то

у тебя горячий.

Георгий Дмитриевич. Паша! Я... *(Всхлипывает и целует руку у Коромыслова).*

Коромыслов. Так. Нехорошо тебе, Горя?

Георгий Дмитриевич. Я хочу... Я хочу поцеловать человеческую руку. Ведь есть еще люди, Павел?

Коромыслов. Есть, Горя, есть. Екатерина Ивановна уехала?

Алексей. Да, уехала. И детей увезла.

Георгий Дмитриевич. Он не пускает меня в детскую. Я хочу видеть пустую детскую...

Коромыслов. Твой брат строгий, я его знаю. Ну, а я пушу тебя, куда хочешь, и даже сам с тобою пойду. Значит, в доме пусто и можно скандалить, сколько угодно – это хорошо. Я люблю, когда в доме пусто... Ах, это вы, Вера Игнатьевна. Здравствуйте! Как же это у вас коньяку нет, Вера Игнатьевна! Живете полным домом, а коньяку нет! *(Отходит с нею, что-то тихо ей говоря.)*

Алексей. Тебе холодно, брат?

Георгий Дмитриевич. Нет. Павел, куда ты ушел? Павел!

Коромыслов. Я здесь. Вот что, милый друг: деньги у тебя есть? – у меня ничего.

Георгий Дмитриевич. Это есть.

Коромыслов. Ну и прекрасно. Значит, сейчас

едем. И вы, коллеги, с нами.

Алексей. Куда?

Коромыслов. Туда, где светло, где пьяно и просторно. Разве сейчас можно оставаться в таком доме!

Георгий Дмитриевич. Да, да, едем. Спасибо тебе, Павел (*смеется*). Неужели сейчас есть место, где светло и где люди – о, проклятый дом!

Коромыслов. Есть такие места, Горя, и, к счастью, не одно.

Алексей. Постойте, Павел Алексеич, а мама? Она останется одна?

Коромыслов. А мама останется одна, такое ее дело, Алеша. Всем женщинам доказываю, что не нужно рожать, а они рожают, ну и сами виноваты. Идем, Горя.

Вера Игнатьевна (*издалека, всхлипнув*). Верно, Павел Алексеич, виновата!

Георгий Дмитриевич (*упираясь*). Я сперва хочу в детскую.

Коромыслов. В детскую так в детскую. Господа, в детскую!

Занавес

Действие второе

Прошло полгода. Екатерина Ивановна с детьми приехала на лето в имение к матери в Орловской губернии. Стоят жаркие и погожие дни начала июня. Сцена изображает большую бревенчатую комнату с дорогой мебелью, картинами и цветами; стены и полы некрашеные. В трехстворчатую стеклянную дверь, теперь совершенно открытую, видна большая терраса с обеденным, крытым цветной скатертью столом. Также много цветов, видимо, из собственной оранжереи. За перилами террасы на лево – гуща зелени: старых кленов и дубов, потемневших от годов берез; посредине и вправо, вплоть до одинокого старого дуба, – широкая просека с четкими золотыми далями. Время к вечеру. На террасе у стола сидит **Ментиков**, небольшого роста человек с мелкими чертами лица и тщательной прической, и кушает молоко с сухариками; цветным носовым платком смахивает крошки с щегольского, полосатой фланели костюма. Из сада по ступенькам всходит **Татьяна Андреевна**, мать, высокая женщина, строгого и решительного облика, и за нею младшая дочь, Лизочка, красивая и крепкая девушка-подросток со сросшимися бровями. Идет она

с видом упорного, но несколько нарочитого и веселого каприза, шагает и останавливается вслед матери и тянет душу низким капризным голосом: «Мама! а мама! – я поеду». При появлении Татьяны Андреевны Ментиков встает.

Татьяна Андреевна. Вы это что?

Ментиков. Кушаю молоко, Татьяна Андреевна.

Лиза. Мама, а мама! Я поеду.

Татьяна Андреевна. Отстань. А разве вы не обедали сегодня?

Ментиков. Благодарю вас, Татьяна Андреевна, я обедал. Но при городских условиях жизни мое здоровье расшаталось, и доктор велел...

Татьяна Андреевна. А, расшаталось!.. Свежее ли хоть молоко-то вам дали?

Ментиков. Вполне.

Татьяна Андреевна. Что вполне? Ах, да отстань же ты, Лиза, ты мне, ей-Богу, надоела! Не дергай за платье.

Лиза. Ментиков, хоть вы заступитесь за меня.

Татьяна Андреевна. Да уж, нашли себе доченьки заступника, сам Бог послал! Отстань, тебе говорю. А вот вы бы, миленький, раз здоровье расшаталось, побольше бы гуляли да на воздухе работали бы, а не... А где Катя?

Ментиков. Екатерина Ивановна, кажется, к себе в

комнату пошли. Мы хотели в крокет играть, но так жарко...

Татьяна Андреевна. Да уж вы и занятие найдете... крокет? Лучше бы...

Через комнату быстро и легко проходит Екатерина Ивановна, высокая, красивая, очень гибкая блондинка. Движения ее всегда неожиданны и похожи на взлет или прерванный танец: минутами становится совсем неподвижной, подносит к подбородку сложенные вместе руки и смотрит изумленно и долго, приподняв сросшиеся, как у сестры, темные брови, – и в эти минуты молчит, разве только слегка качнет отрицательно головою.

Екатерина Ивановна. Вот и я. Ты меня звала, мама? – мне в окно слышно.

Лиза смешливо подмигивает сестре и, снова насупившись, тянет душу.

Лиза. Мама, а мама!

Татьяна Андреевна. Не звала, а просто спрашивала. Купаться сегодня ходила? Отстань, Лиза! Вот, Аркадий Просперович жалуется на свое городское здоровье, а я ему говорю...

Ментиков. Мое здоровье очень мало интересует Екатерину Ивановну.

Татьяна Андреевна (*презрительно оглядев его*). Я полагаю. Да скажи же ты ей, Катя, чтобы не приста-

вала! – ходит с утра и зудит в ухо, как комар, – замутила.

Лиза. Я в Петербург зимой поеду.

Татьяна Андреевна. Ну и поезжай.

Лиза. Ты нарочно говоришь, а как наступит зима, так скажешь: сиди тут,дохни, некуда тебе ехать.

Татьяна Андреевна. Так до зимы-то сколько? Ну и забыла, конечно: от Любочки из Швейцарии письмо, пишет, что жара, и у Костеньки была уже дизентерия.

Екатерина Ивановна. Да что ты, мама! Как же можно с детьми и в такую жару... бедный мальчик!

Татьяна Андреевна. Да разве им с мужем втолкуешь! То ли дело у нас в Орловской губернии, звала ведь, так нет! Ты знаешь, Катечка, когда я сегодня встала? В шесть...

Лиза. А я в семь.

Татьяна Андреевна. В шесть! – и с тех пор на ногах и не присаживалась, и ни капельки не устала...

Ментиков. Все по хозяйству?

Татьяна Андреевна. Нет, с ключницей Кассой да с управляющим в крокет играла!

Лиза смеется, целует мать сзади в шею под волосами и внезапно принимает вид глубокого разочарования в жизни.

Лиза. Я пойду умирать. Катя, пойдём умирать!

Екатерина Ивановна. Я уж умирала сегодня, как в

крокет пошли играть.

Лиза. Ментиков, пойдете умирать!

Ментиков (*бодро*). Я еще хочу жить!

Татьяна Андреевна. Ему прически жалко!

Лиза. А мне ничего не жалко. О чем жалеть, о чем грустить?..

Медленно, с тем же видом: разочарования, проходит через комнату. Вслед за ней поднимается и Татьяна Андреевна.

Татьяна Андреевна. погоди, Лизочка, пойду уж и я с тобой умирать. Что ж одной-то девочке умирать!.. (*Уходит.*)

Ментиков. Как жарко!

Екатерина Ивановна. Пойдемте в комнаты, там прохладнее.

Ментиков. Сыграйте что-нибудь, Екатерина Ивановна... Грига.

Екатерина Ивановна. Сейчас?

Ментиков. Мне хочется музыки.

Екатерина Ивановна. Удивительно у вас все не во время, Аркадий Просперович.

Ментиков. Да?

Молчание.

Я сегодня вечером уезжаю, Екатерина Ивановна.

Екатерина Ивановна. Это еще что?

Ментиков. Мое присутствие, видимо, не совсем

приятно вашей матушке, да и вы сами...

Екатерина Ивановна. Оставайтесь.

Ментиков. Катя!

Екатерина Ивановна. Опять? Помните, что я вам сказала, Аркадий Просперович, и сейчас опять повторю: если вы еще раз осмелитесь назвать меня Катя или чем-нибудь напомнить...

Ментиков. Но ты мне принадлежала, Катя, ты была моей!

Екатерина Ивановна. Если вы... если вы... Я вас ударю сейчас!

Ментиков. Простите, не буду больше. Не думайте, Екатерина Ивановна, что я боюсь вашего удара... вы уже ударили меня однажды...

Екатерина Ивановна. Я рада, что вы это помните.

Ментиков. Да, я помню. И поверьте, я не боюсь повторения, но моя любовь к вам бескорыстна, и только одного я хочу: день и ночь жертвовать собою для вашего счастья... Я останусь.

Екатерина Ивановна. Зачем вы мне напомнили? – сегодня с утра мне было спокойно, и я надела белое платье.

Ментиков. Белое платье – эмблема чистоты: вы невинная жертва, Екатерина Ивановна.

Екатерина Ивановна. Зачем вы напомнили мне... О, какая тоска... Я была несчастна, я была безумна,

когда я отдалась вам. Какой вы ничтожный, – разве же вы не понимаете, что я от презрения отдалась вам, от этой горькой обиды... Он отравил меня. Меня он смел заподозрить, что я ваша любовница... ну, так вот, так пусть это будет правдой, так пусть я ваша любовница, – вы довольны?

Ментиков. Поверьте, Екатерина Ивановна, голосу моего сердца: я никогда не забуду тех счастливых мгновений, которые вы мне дали.

Екатерина Ивановна. А теперь он пишет, он ежедневно пишет. Вчера было опять письмо. Что я ему отвечу?

Ментиков. Надо быть гордой, Екатерина Ивановна: он вас оскорбил, вы невинная жертва.

Екатерина Ивановна. Он хотел меня убить, это ужасно: он хотел меня убить. Я этого не могу понять и все спрашиваю себя, все спрашиваю себя: да неужели моя жизнь так вредна, или ненужна, или противна ему, что он хотел отнять ее – убить? Разве может быть так противна чья-нибудь жизнь? Ведь теперь я была бы мертвая... что это значит? И на днях ночью вдруг мне представилось, что я и есть мертвая, и это ощущение было так странно, что я не могу передать. Не страх, нет, а что-то... Куда вы, Аркадий Просперович? – сидите же...

Ментиков. Я за пепельницей. Я вас слушаю.

Екатерина Ивановна. Он теперь называет себя подлецом и... но, Боже мой, что мне от его слов... И что такое подлость? Это тоже подлость, что я вам отдалась тогда, или нет?

Ментиков. Вы были оскорблены и оклеветаны...

Екатерина Ивановна. Молчите. Богу известно, как я была несчастна тогда, как самый последний человек, – и это он отдал меня вам...

Ментиков. Кто он? Бог?

Екатерина Ивановна. Я не понимаю... Муж, конечно. Вдруг я почувствовала, что я должна сойтись с вами, и это было так ужасно – почему должна? Почему?... Нет, подлость, подлость, подлость. Постойте, сидите неподвижно, я хочу вас рассмотреть.

Ментиков. Мне неловко...

Екатерина Ивановна. Сидите же... *(Молча и долго рассматривает неподвижного Ментикова, качает головой с выражением отчаяния, быстро отходит в сторону, поднимает, как для полета, обнажившиеся руки с короткими рукавами. Руки бессильно падают. Быстрым поворотом припадает плечом к стене, стоит молча, с опущенной скорбной головой.)*

Ментиков. Вы его любите?

Екатерина Ивановна качает головой в знак отрицания. Потом так же молча меняет знак на утвер-

дительный.

Я вас не понимаю, Екатерина Ивановна.

Екатерина Ивановна. Не знаю.

Ментиков. Но может быть?..

Екатерина Ивановна. Может быть. И от Алеши опять письмо получила: какой он хороший человек!.. Он как моя совесть, и я ему... Нет, ничего я ему не скажу. Куда вы?

Ментиков. Я волнуюсь. Я хочу походить.

Екатерина Ивановна. Он пишет мне о матери, что она также теперь хочет моего возвращения. За что не любила меня эта женщина? – она добрая и любит всех, а ко мне относилась так дурно, всегда в чем-то подозревала... Ну, подумайте, разве я виновата, что я... красива, а Георгий всегда занят работой, и я всегда одна? Нет, нет, я не стану отвечать, я мертвая, я в гробу. На мне и белое платье оттого, что я в гробу. Вы не слушаете меня?

Ментиков. Нет, я внимательно слушаю.

Екатерина Ивановна. А отчего же вы вздыхаете?

Ментиков молчит и ходит.

Отчего вы вздыхаете?

Ментиков (*останавливаясь*). Вы жестоки, Екатерина Ивановна... Пусть я ничтожество, как вы изволите говорить, пусть я маленький и скромный человек, но у меня большое сердце... и ведь я же люблю вас, Ека-

терина Ивановна...

Екатерина Ивановна. Я вам сказала...

Ментиков. Позвольте, позвольте – разве я требую взаимности? Но нужно же пожалеть человека, который кроме... кроме любви и преданности... и уважения... Вот уже несколько месяцев я состою вашим поверенным, и, конечно, я горжусь этим, но, Екатерина Ивановна... ведь я же люблю вас, и каково мне ежедневно слышать о вашей любви к другому... Я не сплю ночей, Екатерина Ивановна, мое сердце буквально разрывается и... хоть бы какой-нибудь знак вашего внимания... Стоит мне заговорить о моих чувствах, вы кричите на меня, как на собаку, грозите меня... выгнать... Меня... *(Садится к столу и плачет, положив руки на колени.)*

Екатерина Ивановна. Аркадий Просперович... *(Подходит ближе и смотрит.)* Вы плачете? – Боже мой, какая гадость, он плачет. Перестаньте плакать! – вы слышите!

Ментиков. Я слышу.

Екатерина Ивановна. Перестаньте же!

Ментиков. Я плачу... я плачу о нашем, о нашем бедном ребенке...

Екатерина Ивановна. Мол... Молчите.

Ментиков. Я и молчал, но, Катя... Екатерина Ивановна! Когда я услышал, вы мне сказали, что хотите

произвести ту ужасную операцию... в клиниках... и наш ребенок, наше невинное дитя... я всю ночь тогда не спал, я буквально волосы рвал от горя... Я буквально... был в отчаянии, а вы хотите, чтобы я не плакал, когда даже самое жестокое сердце...

В той же позе, прилегая плечом к стене, опустив голову, слушает его женщина и при последних словах – неслышно отделившись от стены – выходит медленными и точно слепыми шагами. Ментиков оглядывается один. Вздыхает, аккуратно вытирает глаза в квадрат сложенным платком и, вынув маленькое зеркальце, поправляет прическу. Вздыхает. По ступенькам из сада быстро взбегают Лиза, кричит.

Лиза. Катя, Катечка! Где Катя? Алеша приехал. Ментиков, голубчик, ненаглядный, где Катя? Вы знаете, Алеша приехал, и, значит, дело идет на мировую. Какой Алеша красавец, и с ним какой-то, тоже красавец. Ментиков, вы это понимаете: значит, зимой я еду к ним, и никакая мама меня не удержит. Вы не грустите, мы вместе поедем. Если бы я не была такая взрослая, я бы вас поцеловала, а теперь... *(С силою хватает упирающегося Ментикова за руки и кружит по комнате. Убегает с криком.)* Катя! Алеша приехал!

Ментиков тревожно оглядывается на террасу и поспешно выходит в противоположную дверь. Одно-

временно с разных сторон входят: по ступенькам Алексей и Коромыслов, с этой стороны – Екатерина Ивановна и за нею Лизочка.

Екатерина Ивановна. Алеша! Господи! Алеша!

Алексей. Здравствуй, Катечка.

Крепко целуются, и Лиза, приподнявшись на носки, сочувственно вторит их движениям. Коромыслов целует у Екатерины Ивановны руку, все, видимо, взволнованы.

Екатерина Ивановна. Алеша, голубчик, как я рада, что ты приехал! Это такое сейчас счастье для меня – если бы ты знал... если бы ты знал. Хочешь чаю? И вам я ужасно рада, Павел Алексеевич... Вы видали, какая у меня сестра: вчера еще была девочка, а сегодня, смотрите, уж взрослая девица.

Коромыслов. Первый раз вижу.

Екатерина Ивановна. Лизочка, а ты рада, что Алеша приехал? Ты посмотри, какой он стал.

Лиза *(убежденно)*. Красавец.

Алексей. Да и ты, Лизок, недурна: только кто это тебе брови намазал?

Лиза вспыхивает и, насупившись, строго смотрит на Коромыслова. Тот улыбается.

Екатерина Ивановна. Пойдемте в комнаты, там, прохладнее. Какая жара сегодня. Как вы доехали? – ведь у нас на станции не всегда есть лошади. Вот я не

думала, Алеша: вчера только твое письмо, а сегодня – ты сам... А что же чаю? Лизочка, скажи чай.

Лиза. Сейчас. *(Уходит степенной поступью, сурово глядя на улыбающегося Коромыслова).*

Коромыслов *(серьезно).* А вы не волнуйтесь, Екатерина Ивановна, не надо.

Екатерина Ивановна хочет что-то сказать, но вместо того встает, делает два быстрых шага и прижимает ладони рук к глазам. Алексей вопросительно взглядывает на Коромыслова, и тот делает жест, как будто зарисовывает карандашом фигуру. Алексей морщится и машет рукой.

Алексей. Катечка, не надо. Послушай, Катя...

Коромыслов. Дело в том, Екатерина Ивановна, что мы к вам парламентарями: вы уже догадались, я думаю?

Екатерина Ивановна *(не отнимая рук).* Сейчас только.

Коромыслов. Ну вот и прекрасно: я люблю, когда дело делается начистоту. Ну, Алеша, выкладывай, а вы, Екатерина Ивановна, дорогая, садитесь и слушайте.

Екатерина Ивановна садится, лицо ее красно, в глазах улыбка и слезы.

Ну что ж, начинай.

Алексей. Нет, уж лучше вы, Павел Алексеевич. Мне

так все это больно и... нет, уж лучше вы, Павел Алексеевич. Я не так скажу.

Коромыслов. Хорошо. Одним словом, Катерина Ивановна, вы должны вернуться к мужу, иначе произойдет несчастье. Говорю совершенно серьезно и с полным знанием дела. Стрелял он в вас? – это правда, стрелял и даже три раза. Но так как дуракам счастье, то в вас он не попал, зато теперь, может быть, и попадет. Не в вас, конечно, вы понимаете?

Екатерина Ивановна. Понимаю.

Алексей. Катя, отчего ты ни разу не ответила ни на одно его письмо? Ведь такое молчание хуже всяких слов, Катя. И хотя я целиком и со всех сторон обвиняю Георгия, но мне было жаль смотреть на него. Почему ты не ответила ему?

Екатерина Ивановна. Не знаю.

Алексей. Ты и мне ни слова не ответила. Писала о детях, о себе, и все как-то – прости, Катя, – бездушно. А на вопросы мои о нем – ни слова.

Екатерина Ивановна. Я не знала, что отвечать.

Алексей. Ты его не можешь простить?

Екатерина Ивановна. Не знаю.

Алексей. Но ведь ты же его любишь, Катя?

Коромыслов. Постой, Алеша, так дело не делается. Одним словом, Катерина Ивановна, ваш муж приехал с нами, сидит сейчас в кустах и ждет вашего раз-

решения явиться сюда.

Екатерина Ивановна (*вставая*). Нет!

Алексей. Катя, ну послушай же.

Екатерина Ивановна (*незаметно кладя руку на сердце*). Нет!

Молчание.

Алексей (*вставая, сурово*). Значит, нам уезжать? Хорошо; едем, Коромыслов.

Коромыслов (*рукой усаживая его*). Эх, Алексей, тут только начинается, а ты – едем... Дай человеку опомниться, не хватай его за горло.

Алексей. Я не это ожидал встретить, Катя, когда ехал сюда. Неужели в тебе так мало великодушия! Когда я ехал сюда, я думал встретить ту Катерину Ивановну, чистую, великодушную, благородную, по отношению к которой только сумасшедший, как мой братец, мог возыметь какие-то подозрения. Катя!

Екатерина Ивановна. Ее уже нет, Алеша, ее на твоих глазах убили.

Коромыслов. Она хочет сказать, что хоть пули и не попали, и тела ее не тронули, но душу убили. Не так ли, дорогая? Ну так это вздор: душу так легко не убьешь. В моей душе, скажу вам, дорогая, бомбы взрывались, а видите живу и делаю это с большим удовольствием. Все проходит, все забывается, дорогая! А вы еще такая молодая и такая красавица, и де-

тишки у вас, насколько помню, недурны. И мы сейчас пойдём с Алешей чайку попьем и сад ваш посмотрим, а вы с ним тут поговорите. Ведь неудобно же на самом деле: член Государственной думы, а сидит в кустах, как рябчик. Не надо унижать человека.

Екатерина Ивановна. Я к нему не вернусь.

Коромыслов. Ну, вот это самое ему и скажите. Ведь немыслимо же такой разговор вести через посредников как вы полагаете? Красивый у вас парк – это имение вашей матушки?

Екатерина Ивановна. Да.

Коромыслов. И хозяйство, видимо, в порядке. Эх, давно я не был в настоящей русской деревне, среди соломенного пейзажа, и теперь даже как-то совестно. Пишу голых баб, и надоели они мне хуже горькой редьки, а нарушить порядок...

Алексей. Прости меня, Катечка, я, кажется, резко говорил.

Екатерина Ивановна (*быстро улыбнувшись*). Какой же ты глупый, Алеша: настоящая совесть никогда не должна просить прощения, что бы она ни сделала. Ты моя совесть.

Коромыслов. А я – часы. Идем, Алексей, да только уж вы, дорогая, никуда из этой комнаты не уходите: выйдете в другую, а потом в эту и не вернетесь. Платьице на вас в порядке, и прическа, и все, как следует,

посидите тут, дружок, он недалеко.

Уходят. Екатерина Ивановна, не поднимаясь, на том же стуле ждет – руки ее опущены между колен. Солнце зашло, и в саду вечерние тени. Где-то далеко пастухи играют на желейках. Тишина. Тяжело и грузно ступая, всходит по ступеням Георгий Дмитриевич, испуганно осматривает террасу и говорит: – Катя! Никого нет. – Нерешительно переступает порог и в первую минуту не видит Екатерины Ивановны. Осторожно делает еще два шага.

Георгий Дмитриевич. Катя! Где ты, Катя?

Молчание. Вдруг видит жену, сидящую все в той же позе, и замирает. Потом решительно подходит к ней, молча опускается на колени и молча кладет ее руки на свою голову. Екатерина Ивановна неподвижна.

Катя, это я пришел. Отчего ты молчишь, Катя? Взгляни на меня – это я, Катя!

Екатерина Ивановна (*тихо*). Встань. Нет, я ничего. Встань, Горя.

Георгий Дмитриевич (*вставая*). Ты меня не ждала?

Екатерина Ивановна. Нет, я все время жду тебя.

Георгий Дмитриевич. Катя, неужели это правда, и я вижу тебя? Катя, отчего ты мне не отвечала на письма – ведь я совсем с ума сошел, Катя. Посмотри,

у меня седые волосы на висках.

Екатерина Ивановна. Я вижу. Я тебя люблю. Нет, нет, не подходи.

Георгий Дмитриевич. Но отчего у тебя так опущены руки? Катя, ты не двинулась с места с тех пор, как я вошел, – что с тобой, Катя? Мне страшно, голубчик. Дети здоровы?

Екатерина Ивановна. Дети здоровы. Георгий – я падшая, я изменила тебе.

Молчание. Он отходит, слегка шатаясь, в сторону и садится в кресло, опустив голову на руки. Молча растут в саду вечерние тени.

Георгий Дмитриевич. Тогда?

Екатерина Ивановна. Нет. Разве ты еще думаешь.

Георгий Дмитриевич. Погоди немного, я сейчас не понимаю. Говори.

Екатерина Ивановна. Лучше не надо говорить, Георгий.

Георгий Дмитриевич. Нет, говори...

Екатерина Ивановна. Я отдалась Ментикову. Нет, потом, когда ты хотел убить меня. Это было только раз.

Георгий Дмитриевич встает и два раза проходит по комнате, потом снова садятся в той же позе.

Георгий Дмитриевич. Говори.

Екатерина Ивановна. Но я забеременела, и мне

сделали операцию. Больше ничего не было.

Георгий Дмитриевич (*хрипло*). Больше ничего?

Екатерина Ивановна. Да, больше ничего. Лучше было не говорить.

Георгий Дмитриевич. Мне Лиза сказала, что Ментиков здесь живет уже месяц. Зачем он здесь?

Екатерина Ивановна. Не знаю. Мне не с кем говорить. Вам очень больно, Георгий Дмитриевич?

Молчание. Георгий Дмитриевич встает, несколько раз проходит по комнате, вытянувшись, как на смотру, с сжатыми в кулак руками. После одного из поворотов так же решительно подходит к жене и опускается на колени.

Георгий Дмитриевич. Прости меня, Катя.

Екатерина Ивановна (*вскакивает*). Что? Пусти руку. Что?

Георгий Дмитриевич. Прости меня, Катя.

Екатерина Ивановна (*кричит*). Не смей... Не смей! Не тронь меня... Мама! Пусти меня!..

Он с силою прижимает ее голову к своей груди, заглушая ее бессвязный крик.

Георгий Дмитриевич. Катя, Катя, голубчик, что с тобой, успокойся, услышат, Катя... Это я, Катечка. Да бедная же ты моя, да милая же ты моя!

Екатерина Ивановна (*тихо*). Пусти. Бога ради пусти. Я опять закричу.

Георгий Дмитриевич. Да ты же любовь моя, – ты же вечная, единственная любовь моя. Куда я тебя пу-
щу? Куда я тебя пущу?

Екатерина Ивановна. Пусти!

Георгий Дмитриевич. Ну, если хочешь, Катя, Ка-
течка... – мы умрем вместе. Вместе – ты понимаешь?
Потому что куда я тебя пущу? Куда я сам пойду? Да
разве, есть какая-нибудь дорога... Ну, умрем, умрем,
и я буду счастлив.

Екатерина Ивановна. Я одна должна умереть.

Георгий Дмитриевич. Одна? А я что же буду де-
лать? Клянусь тебе, Катя, даю честное слово, что ес-
ли ты... сейчас... Открой глаза, взгляни мне прямо в
душу... Ты смотришь, Катя? – ты видишь, Катя, ты ви-
дишь, Катя?

*Почти отталкивает ее, подходит к двери и
смотрит в сад, держа голову обеими руками. Так же,
подняв руки, как для полета, смотрит на него Ека-
терина Ивановна.*

(Глухо, не оборачиваясь.) Ты здесь, Катя? – не ухо-
ди. Боже мой! Смотрю я в этот сад, на эти тени ве-
черние, и думаю: какие мы маленькие, как мы смеем
мучиться, когда такая красота и покой. Катя, за что я
сделал тебе такую боль? за что я измучил себя? Ты
вернешься ко мне, Катя?

Екатерина Ивановна. Если ты хочешь, Горя.

Георгий Дмитриевич оборачивается, подходит.

Георгий Дмитриевич. Поцелуй меня.

Целует.

Екатерина Ивановна. Пусти!

Георгий Дмитриевич. Тебе хорошо?

Екатерина Ивановна. Да. И мне страшно немного.

Поцелуй меня.

Георгий Дмитриевич. Сердце мое напуганное, ничего не надо бояться, ничего. Разве есть на свете что-нибудь страшное для любви? Ничего... Я сейчас, как этот старый умный сад, а все люди – под моими ветвями.

Екатерина Ивановна. Походим.

Георгий Дмитриевич. Как прежде?

Екатерина Ивановна. Да, слушай. Нет, ты слушай внимательно...

Георгий Дмитриевич. Слушаю деточка.

Екатерина Ивановна. Я себя боюсь.

Георгий Дмитриевич. Сегодня мы второй раз венчаемся. Любовь ты моя... И такая ты красавица, такая красавица, что можно ослепнуть... Когда я вошел сегодня и увидел тебя...

Екатерина Ивановна. Тебе страшно было входить? – ты так ужасно медленно шел.

Георгий Дмитриевич. А ты даже не отозвалась. Я тебя зову, я тебя зову...

Екатерина Ивановна. Ах, Горя, я была, как мертвая. Ты меня зовешь, а я думаю: зачем он тревожит мертвую, не тронь меня, я мертвая!

Георгий Дмитриевич. Это я тебя измучил.

Екатерина Ивановна. Нет, не ты. Слушай же, Горя!

Георгий Дмитриевич. Слушаю, деточка, каждое словечко твое слышу.

Екатерина Ивановна. Я себя боюсь! Я думаю теперь про себя: раз я могла сделать это... нет, постой: – то чего же я не могу? Значит, все могу. Что же ты молчишь, Горя: ты думаешь, что это правда?

Георгий Дмитриевич. Так вот, Катечка, слушай теперь ты. Вот я стрелял и хотел тебя убить...

Екатерина Ивановна. Неужели ты хотел меня убить?

Георгий Дмитриевич. Постой. Но следует ли отсюда, что я теперь стал вообще убийцей и вообще могу убивать, грабить и так далее? Ах, деточка моя, не только не следует, а совсем наоборот! С тех пор, как в моей руке побыла смерть, я так ценю, так понимаю чужую человеческую жизнь. Первое время, тогда, даже странное что-то со мной делалось: взгляну случайно на какого-нибудь человека, на улице или у нас в Думе, и подумаю: а как легко можно его убить! – и мне станет так его жалко и хочется быть таким осторожным, чтобы даже нечаянно как-нибудь...

Екатерина Ивановна. Ты другой. Я понимаю, что ты говоришь, но ты другой. Милый, об этом совсем не надо говорить, но я только немного... Слушай: когда я лежала – в больнице, потом уже, то мне было... так стыдно и страшно... Нет, не могу!

Георгий Дмитриевич. Да, не надо, не надо. И вот еще что, Катя: об этом совсем и никогда не надо говорить.

Екатерина Ивановна. Хорошо. Ментиков здесь.

Георгий Дмитриевич. Он не существует.

Екатерина Ивановна. Хорошо.

Георгий Дмитриевич. Совсем, понимаешь? этого не было. Ты, может быть, не поверишь мне...

Екатерина Ивановна. Я тебе верю.

Георгий Дмитриевич. Верь, деточка, верь, – не я совершенно ничего не чувствую по отношению к этому... Ментикову. Он так убийственно ничтожен...

Екатерина Ивановна. Да!

Георгий Дмитриевич. И он как паразит, и существует только, как бы это сказать, только благодаря нашей нечистоплотности.

Екатерина Ивановна. Он ничего не понимает.

Георгий Дмитриевич. Абсолютно!.. Ведь я же его знаю. Ему дадут ползти, он и ползет, а не дадут – он поползет в другую сторону. И он всегда существует, всегда ищет и всегда наготове: им можно заразиться

в вагоне... Что ты, Катечка?

Екатерина Ивановна. Так. Пусти мою...

Георгий Дмитриевич. Тебе больно?

Екатерина Ивановна. Нет, так. Я устала ходить.

Георгий Дмитриевич. Ты похудела, Катечка, так ты еще лучше. Знаешь, когда я увидел сегодня твои руки, я опять подумал, как тогда еще думал: что раньше когда-то руки у человека были крыльями. И ты по-прежнему летаешь во сне?

Екатерина Ивановна. Нет. Мало. А какой славный Алеша!.. Ты его любишь?

Георгий Дмитриевич. Ну как же! И Коромыслов прекрасный человек. Если бы ты знала, как он мне помог в те дни... Катя, Катечка... неужели ты снова моя жена?

Екатерина Ивановна. Да.

Георгий Дмитриевич. Сегодня?..

Молчание.

Екатерина Ивановна. Да. Мама будет очей рада.

Георгий Дмитриевич (*взволнованно смеется*). Боже мой, что со мной делается... Катя? Ну, да ладно! Мама? Она у тебя такая прекрасная женщина, и ведь мы с ней давно уже в переписке, и она знает, что я должен приехать.

Екатерина Ивановна. Да что ты! – какая же она хитрая, Горя!.. Нет, сиди, сиди. Отчего ты не куришь?

Георгий Дмитриевич. Забыл!

Екатерина Ивановна. Вот тебе пепельница... а спички? *(Хочет подать пепельницу, но раздумывает и подает другую.)* Горя, скажи мне, отчего я стала такая? Ты сейчас спрашиваешь: сегодня? – а я думаю, что нужно сказать: нет, – и вдруг мне так захотелось сказать: да!

Георгий Дмитриевич. Оттого, что ты любишь меня.

Екатерина Ивановна. Да, люблю, но этого мало.

Георгий Дмитриевич. Другому бы не сказала.

Екатерина Ивановна. Другому? Горя, скажи мне... ты совсем простил меня? Нет, не то, Горя, скажи мне, отчего я так... волнуюсь? Нет, совсем особенно. Смотри, Горя! *(Становится перед ним, закидывая руки назад, вытянувшись, как для полета или падения в пропасть.)* Смотри, Горя, отчего? Вот я стою, и мне хочется... броситься на тебя – и обнять, душить и... Горя!

Георгий Дмитриевич бросается к ней и крепко обнимает. Продолжительный поцелуй. Внизу террасы голоса.

Пусти, идут!

Георгий Дмитриевич. Катя...

Екатерина Ивановна. Пусти.

Георгий Дмитриевич. Оттого, что ты любишь ме-

ня.

Екатерина Ивановна. Да оттого, что люблю.

Георгий Дмитриевич. Сегодня?

Входят Коромыслов, Алеша и Лизочка. Делают вид, что все довольно обыкновенно, но все же короткая пауза.

В саду были?

Коромыслов. Да, в саду. Я, Георгий, решил: бросаю своих голых баб и на лето приезжаю сюда: нельзя же, свинство! Вы меня зовете, Екатерина Ивановна?

Екатерина Ивановна. Зову.

Коромыслов (*к Георгию Дмитриевичу*). А ты, хозяин?

Георгий Дмитриевич. Конечно!

Коромыслов. Ага! Значит, сейчас идем к Татьяне Андреевне и сообщаем: поладили. Ах, молодые люди, что вы делаете со старухой: ведь она там трясется вся! Всю жизнь доказываю женщинам: не нужно рожать детей, ну и сами виноваты. Ну-с, Георгий Дмитриевич...

Берет его под руку и отходит. Алексей и Лизочка с двух сторон около Екатерины Ивановны.

Алексей. Спасибо тебе, Катечка. Дай ручку поцелую, спасибо. Ведь Горька, ей-Богу, хороший человек. А ты рада, Катечка?

Екатерина Ивановна, улыбаясь, кивает головой.

Лиза. И я рада. Да погоди, Алеша! Катечка, какой ужас, я в него влюбилась, и он будет писать мой портрет!

Алексей (*пожимая руку Екатерине Ивановне*). А меня, Лизок, забыла!

Лиза. Не могу же я любить двух сразу! Катя, а твой портрет он писал?

Алексей. Да ты ревнивая?

Лиза. Как черт – ох, мамы нету?

Коромыслов (*подходя*). Ну, Лизок, луна восходит и нам время в парк. Вы мне еще обещали какой-то гриб показать при лунном свете. А ты, Алексей, пойдешь к Татьяне Андреевне, я уж не могу, надоело, а ты и со старухами умеешь обращаться.

Лиза. Это не гриб, а беседка, это только так называется грибом.

Коромыслов. Это, Лизок, надо еще доказать. Пойдите... а, может быть, вы в парк, а мы здесь останемся? Как вы думаете, Екатерина Ивановна?

Георгий Дмитриевич. Нет, ступайте, нам надо еще поговорить. Алеша, ты скажи маме, что немного погодя я сам к ней зайду, а пока...

Алексей. Да уж знаю, не учи. Хоть бы спасибо сказал... а, черт!

Смеются. Георгий Дмитриевич серьезно жмет руку Алексею и с чувством целует его.

Коромыслов. Идем, идем. Руку, Лизок! *(Уходят.)*

Лиза. Какой Алеша смешной – правда?

Коромыслов. А вы уже заметили?..

Уходят. Молчание. В комнате полутемно, на террасе последние краски вечера борются с первыми розоватыми лучами луны.

Георгий Дмитриевич. Вот нас и обвенчали, Катя. Отчего ты молчишь? – ты снова пугаешь меня, Катя. С пор, как они вошли, ты не сказала ни слова. Пойдем на диван, сядем, я хочу крепко обнять тебя.

Екатерина Ивановна. Горя, пойдем к детям.

Георгий Дмитриевич. К детям? *(Задумываете на минуту в нерешимости.)* Нет, Катечка, нельзя ли завтра? У меня сегодня так устала и так изболелась душа, что я могу – ведь это же опять волнение.

Екатерина Ивановна. Катя все время звала тебя.

Георгий Дмитриевич. Да? Нет, завтра, голубчик. Любовь ты моя, волнение мое, светлое безумие мое, – как я могу хоть один взгляд оторвать от тебя... Я говорю, а сам ничего не понимаю. Если бы Коромыслов сейчас не ушел... Да улыбнись же, свет мой тихий.

Екатерина Ивановна. Горя!..

Георгий Дмитриевич. Да?

Екатерина Ивановна. Сегодня не надо, Горя!

Георгий Дмитриевич *(шутливо)*. А когда же?

Екатерина Ивановна. Не знаю. Через год.

Плачет, откинув голову назад и приложив к глазам ладони рук. Георгий Дмитриевич нежно и осторожно гладит ее по обнаженной до плеча руке.

Георгий Дмитриевич. Хорошо, моя дорогая, моя родная, милая, хорошо, моя девочка, мое сердечко измученное. Как ты скажешь, так и будет, моя голубочка милая! Разве я за этим сюда пришел? Мне ведь самому так больно... и я только молчу и буду молчать, потому что сам... сам виноват в своей...

Умолкает. Екатерина Ивановна встает.

Екатерина Ивановна. Нет, нет! Я с ума сошла! Не слушай меня. Я люблю тебя. Крепче обнимай меня, еще крепче, да еще... Пусти!

Георгий Дмитриевич. Теперь не пущу!

Екатерина Ивановна. Пусти, нет, правда. Сегодня... а сейчас пусти! Ты же мой любимый!

Георгий Дмитриевич. Что со мной делается!

Екатерина Ивановна. Ну вот и пусти... нет, правда. Я еще хочу... нет, правда, послушай!

Георгий Дмитриевич. Слушаю.

Екатерина Ивановна. Я хочу сыграть тебе то, помнишь, когда еще невестой...

Георгий Дмитриевич. Это твой план?

Екатерина Ивановна. Нет, правда, я думала, что если ты приедешь и станешь что-нибудь спрашивать,

то я сыграю тебе... хорошо? Ты поймешь? – ты должен понять.

Георгий Дмитриевич. Пойму, моя радость. А разве есть рояль?

Екатерина Ивановна. В моей комнате.

Георгий Дмитриевич. Да! – ведь я еще и не был в твоей комнате, Катя!

Екатерина Ивановна. Нет, пусти – ты только слушай, внимательно слушай. Будешь?

Георгий Дмитриевич. Ты – умница. Екатерина Ивановна. Будешь слушать?

Георгий Дмитриевич. Буду – как нашу молитву.

Екатерина Ивановна быстро идет, но от двери возвращается.

Екатерина Ивановна. Будешь? Нет, нет, ты иди на террасу.

Уходит. Георгий Дмитриевич выходит на террасу и становится, опершись плечом о столб. Луна освещает его непокрытую голову. Екатерина Ивановна играет – звуки рояля далеки и нежны. Осторожно открывается дверь, и выходит Ментиков в своем белом костюмчике. Оглядывается и на носках, стараясь не скрипеть, проходит комнату – видит на террасе Георгия Дмитриевича и в страхе замирает. Оправляет костюмчик и прическу и выходит на террасу, здоровается, на всякий случай, од-

нако, не протягивая руки.

Ментиков. Здравствуйте, Георгий Дмитриевич.

Мгновенная пауза.

Георгий Дмитриевич. Здравствуйте.

Ментиков. Как изволили доехать?

Георгий Дмитриевич. Благодарю, хорошо.

Молчание.

Ментиков. Слушаете?

Георгий Дмитриевич. Да.

Ментиков. Я также очень люблю музыку. Прекрасно играет Екатерина Ивановна. Кажется, Екатерина Ивановна была в консерватории.

Георгий Дмитриевич. Нет.

Ментиков. Ах, значит, я ошибся.

Молчание. Ментиков достает портсигар.

Папиросочку не хотите, Георгий Дмитриевич? – у меня свои.

Молчание.

Георгий Дмитриевич. Давайте.

Оба молчат. Курят и слушают.

Занавес

Действие третье

Мастерская Коромыслова. В большое, во всю стену, окно видны крыши города, покрытые снегом, вдали сквозь дым и легкий низкий туман тускло блестит купол Исаакия – морозный день погож и ясен.

Много дорогих материй, яркими цветными пятнами разбросанных по мебели и стенам; красивая мебель разных стилей, широкие диваны, высокое зеркало-трюмо с раздвижными боковинками.

Просторно, щедро, красиво – здесь ничего не берегут и пользуются мгновением. Коромыслов пишет портрет Лизы: последняя в летнем платье, похожем на то, что в деревне, но сама на ту не похожа: стала старше, красивее, тоньше, но и печальнее. Сейчас своей позой и манерой держать руки Лизочка напоминает сестру, Екатерину Ивановну.

Коромыслов. Поверните голову. Да будьте повеселей, Лизок.

Лиза (поворачивая голову). Так? Коромыслов. Так. Еще немного. Так.

Молчание.

Вы не устали?

Лиза. Пока еще нет. Вам надо торопиться, скоро смеркнется. У вас ужасно рано темнеет.

Коромыслов. Да уж! Давайте болтать, Лизок. Лизок, вы помните то лето, когда я у вас жил!

Лиза. Ах, миленький, не вспоминайте.

Коромыслов. Почему не вспоминать?

Лиза. Ах, миленький, не надо. Тогда я была влюблена в вас.

Коромыслов. Что же тут плохого? Я тоже был влюблен.

Лиза. Жалко.

Коромыслов. Чего жалко?

Лиза. Что теперь не влюблена.

Коромыслов. А почему?

Лиза. Что почему?

Коромыслов. Почему теперь не влюблена?

Лиза. Вы не моего романа.

Коромыслов. А, черт! – белил нет. Отдохните, Лизок. Вам не холодно, а то платок можно? – я сейчас буду готов.

Лиза. Нет, не холодно. А у вас и платок для дам есть?

Коромыслов. Все есть. Эх, голубчик, как глупо, что я тогда не стал вас писать, теперь не вызовешь того, нет, пропало!

Лиза. Ну, вы не виноваты: кто ж знал, что мы два года не увидимся и я успею состариться.

Коромыслов. Состариться? *(Смеется.)* Нет, Ли-

зок, не в этом дело и даже не в том, что я состарился... Пойдите-ка, смотрите на меня так... так!.. нет... Теперь вы, пожалуй, лучше стали, но... Вам, Лизок, не жалко будет, если я этот портрет брошу и начну новый?

Лиза. Это вам должно быть жалко, а не мне: вы работали, а мне все равно, где сидеть.

Коромыслов. Так, так... я соображаю... все равно, где сидеть?

Лиза. Конечно. Значит, можно встать?

Коромыслов. Нет, посидите еще минутку... да, да. Левее немного, так. А вы можете засмеяться, Лизок, если, например, один клоун даст другому по роже?

Лиза *(смеется)*. Могу. Мне сейчас грустно оттого, что Алеша уехал от нас куда-то в меблированные комнаты. И я сейчас в его комнате живу, знаете?

Коромыслов. Нет, не знаю.

Лиза. А отчего вы так давно у нас не были? – с вами все-таки веселее. Оттого ничего и не знаете, что не бываете.

Коромыслов. Разве давно?

Лиза. Очень давно. Горя удивляется и меня спрашивает, а я сама не знаю. Вообще, вы какой-то таинственный, и на все у вас есть какая-то отговорка. Вы только кажетесь прямым, а на самом деле никогда прямо не говорите – правда?

Коромыслов. Правда, Лизок, вы умница. А почему уехал Алексей?

Лиза. То-то, что неизвестно: он говорит, да я ему не верю. Ах, как мне надоела вся эта таинственность, никто не смотрит прямо, а все в сторону, и такая скука!

Коромыслов. Это вы верно, Лизок, все в сторону. А в театре не бываете?

Лиза. Нет.

Коромыслов. Отчего так резко?

Лиза. Оттого, что надоело. Господи, каждый день посылают в театр и все еще спрашивают: вы в театре бываете? Ну, какое вам дело до того, бываю я в театре или нет? а тоже спрашиваете. И я знаю, почему это: как только что-нибудь нужно от меня скрыть, так меня посылают в театр. И мама, глупая, об этом же в письмах спрашивает – не знает, для чего у них тут театр!

Коромыслов. Одним словом, вижу, что нам нужно разговаривать серьезно, Лизок.

Лиза. Да пора уж!

Коромыслов. Ну, бросим, ничего не поделаешь. Жалко, жалко... *(Немного отставляет мольберт и смотрит. Лиза, повернув головку, также).* Так-то, Лизочка: были вы и прошли, и уж вновь не будете той...

Лиза. Где ты, юность знойная, ручка моя белая, ножка моя стройная...

Коромыслов. Вот именно! А если я опять влюблюсь в вас?

Лиза. Не цветут дважды розы на Патмосе!.. Ах, миленький, все это глупости: любовь и прочее. Можно мне потянуться? *(Поднявшись на носки, не сгибая колен и откинув руки, проходит по мастерской, потягивается.)* Ну, теперь серьезно.

Коромыслов. Так вот: почему уехал Алеша? Может быть, ему действительно необходимо заниматься или... постойте, а не влюбился ли он в вас?

Лиза. Вы опять про любовь?

Коромыслов. Я серьезно.

Лиза. Ну, конечно же, нет! Мы с ним жили душа в душу. Послушайте, Павел Алексеич, вы только никому не говорите: кажется, у них что-то произошло с Катей.

Коромыслов *(изумленно)*. С Екатериной Ивановной? Что же, поссорились?

Лиза. Не знаю. Только что-то есть: он в последнее время избегал ее и вообще старался уходить из дому, и она просит его остаться, а он уходит.

Коромыслов. Гм! А Георгий?

Лиза. Что Георгий? Я не понимаю.

Коромыслов. Нет, ничего. Так просто спросил.

Лиза. Павел Алексеич, ведь и вы избегаете бывать у нас – отчего это? Отчего сестра Катя стала такая?

Коромыслов. Какая?

Лиза (*тихо*). Ведь вы же знаете.

Молчание.

Коромыслов. А я все-таки дам платок: тут холодно. (*Заботливо кутает в платок.*)

Лиза. Какая красивая шаль! Красное ко мне идет, в красном я похожа на испанку. Вам сколько лет, Павел Алексеич?

Коромыслов. А что? Много.

Лиза. Молодой ни за что не позаботился бы дать платок, хоть тут издохни.

Коромыслов тихо смеется и целует руку у Лизочки.

Коромыслов. И пальчики холодные. И, знаете что, Лизочка: давайте-ка с вами ничего не говорить о Екатерине Ивановне. Да, да! Вы уже не девочка, и обманывать вас театром и вообще как-нибудь я не хочу, да, пожалуй, и не обманешь уже... а говорить всю правду тоже не стоит. Может быть, оно и рано, а то еще как-нибудь не так скажешь... нет, не стоит. Когда нужно будет, сами увидите.

Лиза. Разве так страшно?

Коромыслов. Ну, не думаю, чтобы так страшно, а не стоит. Посмотрите-ка, как Исаакий блестит!

Лиза. А вы не знаете, что она подводит себе глаза и... румянится?

Коромыслов. Знаю. Это многие дамы делают.

Лиза. Отчего она стала такая? Павел Алексеич, отчего она стала такая? Мне страшно.

Молчание. *Коромыслов ходит.*

Если бы вы знали, какая у нас в доме тоска! Все смеются, когда ничего нет смешного, разговаривают, у Гори с утра до ночи народ, и подумаешь: вот как весело живут люди. А по правде, такая тоска, что утром с постели вставать не хочется. Начнешь одеваться, а потом вдруг подумаешь: а зачем? Стоит ли?

Коромыслов. И давно так?

Лиза. Не знаю, должно быть, все время. Я, когда осенью ехала сюда, так вагон толкала ногами, чтобы поскорее, а теперь думаю: дура ты, дура деревенская, куда стремилась? Да уж теперь назад не поедешь – раз приехала, так сиди.

Коромыслов. Ну, а Георгий?

Лиза. Ну и он тоже, не лучше других. Сам седой, сам мрачный, а нет, чтобы сказать прямо и честно, по душе – нет, тоже смеется и посылает в театр. И... ну, уж все равно: я скоро и Богу перестану молиться... я Георгия теперь не уважаю.

Коромыслов. Это же за что?

Лиза (мрачно). Не скажу. Вы сами знаете прекрасно. Боже мой, какие все люди лгуны, как они притворяются и постоянно хотят обмануть. Нате ваш платок!

Коромыслов. Да ведь холодно, чудачка.

Лиза. Нисколько мне не холодно. Натя! Не хочу вашего платка. Какие у вас женщины бывают, и вы всем даете этот платок укрываться – противность какая! И Катя лучше вас всех, хоть вы и жалуетесь, что она красится. Если бы вам можно было, вы тоже бы красились... смешно? Ну и глупо.

*Коромыслов смеется. За дверью голоса, и нарядная горничная, впускает **Екатерину Ивановну**, в черной бархатной шубке, вуали и шляпе, и **Ментикова** – последний без верхнего платья.*

Екатерина Ивановна. Здравствуйте, детки! Как тут у вас весело. Не целуйте руку в перчатке, Павел Алексеевич, я не люблю, когда целуют в перчатке.

Коромыслов. Раздевайтесь, Екатерина Ивановна.

Екатерина Ивановна. Вы думаете? Нет, не стоит, я ненадолго. Или снять? Ну, хорошо, пальто снимите, а шляпу не надо, с ней так долго возиться. Отчего ты такая красная, Лизочка.

Лиза. Я не красная.

Ментиков. Павел Алексеевич, вы не пробовали писать Екатерину Ивановну в шубке и вуали?

Коромыслов. Не пробовал. Чего хотите, Екатерина Ивановна, – чаю, фруктов, вина?

Екатерина Ивановна. Ничего не хочу.

Лиза. А у вас все есть?

Коромыслов. Все, Ментиков, положите, пожалуйста, ста.

Ментиков (*принимая шубку и отыскивая для нее место*). Если бы я был художником, я написал бы Екатерину Ивановну именно такую. Я здесь положу.

Екатерина Ивановна. А портрет – послушайте! Вы его повернули, вы не хотите показывать?

Коромыслов. Нет, не стоит смотреть. Не удался.

Екатерина Ивановна. Ну, пожалуйста!

Коромыслов. Нет, дорогая, нет. Вы откуда это ко мне пожаловали?

Ментиков, как человек знающий, уже добыл где-то в углу папку и рассматривает этюды, прицениваясь глазом. Коромыслов искоса следит за ним.

Ментиков. Мы исполняли поручение Георгия Дмитриевича.

Издали глухо доносится звонок телефона.

Екатерина Ивановна. Да, отвозили какую-то бумагу в Думу. Георгий теперь так много работает, что я начинаю бояться за его здоровье, хотя бы вы его убедили...

Входит горничная.

Горничная. Павел Алексеевич, вас просят к телефону.

Коромыслов. Иду. Простите, я одну минуту. (*Быстро выходит, бросив подозрительный взгляд*)

на Ментикова).

Екатерина Ивановна. Ты давно здесь, Лиза? Лиза, тебе письмо от Алеши.

Лиза. Где же оно?

Екатерина Ивановна. Дома, конечно! А ты уж в нетерпении – ах, эти влюбленные!

Лиза. Мы не влюбленные.

Екатерина Ивановна. Да? Вы что смотрите, Аркадий Просперович? – какая прелесть!

Заглядывает мельком через плечо и отходит. Возвращается Коромыслов.

Что-нибудь интересное?

Коромыслов. Так, знакомый один.

Екатерина Ивановна. А не знакомая? – нет, нет, я шучу. Послушайте: что я хотела сказать? Да: отчего вы не приезжаете к нам? Георгий каждый день о вас спрашивает.

Коромыслов. Работаю, дорогая, работаю.

Екатерина Ивановна. И пьете?

Коромыслов. Пью я по ночам. Эй, Ментиков, Аркадий Просперович, вы смотрите, как-нибудь нечаянно моего рисунка не захватите!

Ментиков (*смеется*). Какая клевета на невинного человека! Но что правда, то правда: вот этот рисунок я у вас непременно попрошу.

Коромыслов. Какой еще? Нет уж, голубчик,

оставьте. Вы знаете, у этого господина подобралась уже целая коллекция моих вещей.

Ментиков. Да ведь маленький! Ну, чего вам стоит.

Коромыслов. А того стоит, что денег.

Ментиков. Другой напишете!

Коромыслов. Ну, давайте, давайте, разорвете! Да и папку я закрою, а то соблазн, я вижу... *(Закрывает и прячет папку.)*

Ментиков. Эх!

Екатерина Ивановна. Пожалуйста, без ваших вздохов, Аркадий Просперович: раз не дают, значит, нельзя. Послушайте: какая красота – солнце уже заходит. Посмотри, Лиза!

Лиза. Я отсюда вижу.

Екатерина Ивановна. Как у нас теперь, должно быть, в деревне! Ведь я тоже деревенская, Павел Алексеевич, вы не думайте: мы все сестры деревенские. Послушайте, Павел Алексеевич: а что если разбежаться и головой в это стекло, то куда упадешь?

Коромыслов. На улицу.

Екатерина Ивановна. Бездыханным трупом? Смотрите! *(Поднимает руки и вытягивается, как для полета – но есть в этой позе ее преувеличение и искусственность.)*

Лиза. Катечка, не надо. Неприятно смотреть!

Ментиков. Нет, постойте так, Екатерина Ивановна,

я когда-нибудь так сниму вас. Вы знаете новость, Павел Алексеевич: я ведь сделался-таки фотографом! Чудесный аппаратик, стереоскопический, и особенно хорошо выходит!..

Екатерина Ивановна. Мне дурно! *(Опускается на диван.)*

Коромыслов *(грубо)*. Воды у меня, кажется, нет. Вина хотите?

Екатерина Ивановна. Нет, прошло. Лизочка...

Лиза. До свидания, Павел Алексеевич.

Коромыслов. Куда же вы, Лизок? Посидите, голубчик: мне так жалко, что сегодня я заставил вас напрасно страдать. Приходите во вторник, я вас теперь испанкой писать буду.

Лиза. Ах, миленький, – какая я испанка!

Коромыслов. А кто же вы? – я уж и понимать перестал.

Лиза. Я! *(Закрывая глаза и склоняя голову.)* Я – просто бедная Лиза. Катя, Катечка, мы вместе пойдем?

Екатерина Ивановна. Нет, я еще побуду, у меня кружится голова. Послушайте... мне можно еще побыть у вас? Я недолго!

Коромыслов. Да, конечно, дорогая, что за вопрос! Мы и шляпу сейчас снимем...

Лиза *(быстро шепотом)*. Спасите ее!

Коромыслов смотрит вопросительно и хмуро.

Да, да, вы все можете. Спасите!

Екатерина Ивановна. Что ты там шепчешь, Лиза?

Лиза. Так, секрет. До свидания, миленький, я скоро опять влюблюсь в вас. Хотите? Любовь свободна... Хороша испаночка?

Ментиков (*в недоумении*). А как же я?

Екатерина Ивановна. Вы проводите Лизу.

Ментиков. Но мы же вместе приехали?

Лиза. Ну, мой тореадорчик, идем-ка, нечего там распинаться.

Екатерина Ивановна. Только, пожалуйста, Лиза, не в трамвае. Возьмите извозчика.

Лиза. Отчего, Катечка? – мне так хочется! На лошади-то я в деревне наездилась. Мы с тореадорчиком никуда не свалимся, мы с тореадорчиком как сядем, так и встанем!

Ментиков (*кисло*). А в автомобиле хотите?

Лиза. Ей-Богу?

Ментиков. Я возьму таксомотор.

Лиза (*с уважением*). А знаете – в вас, действительно, есть что-то испанское! Идем!

Коромыслов. На два слова, Лизок, – теперь у меня секрет.

Отходят. Ментиков прощается с Екатериной Ивановной и что-то просительно говорит ей.

Не ездите с ним на автомобиле.

Лиза (*удивленно*). Почему? Какие глупости.

Коромыслов. Я вас прошу, Лизочка.

Лиза. Да что же может случиться?

Коромыслов. Я вас прошу.

Лиза. Ну хорошо, миленький... но, Господи Иисусе, какие вы все таинственные и... противные. Прощайте!
(*Быстро идет.*)

Коромыслов (*идет за ней*). Я вас одену. Ментиков, вас ждут!

Ментиков. Сейчас, иду, иду!

От двери, оставшись один, посылает Екатерине Ивановне воздушный поцелуй. Екатерина Ивановна одна. Быстро встает, снимает шляпу и странно, как актриса, перегибается перед зеркалом. Заглядывает вниз – на улицу – и быстро со страхом отходит. Садится на прежнее место в позе отчаяния и безысходности, но при входе Коромыслова меняет ее на более спокойную. Коромыслов останавливается в нескольких шагах.

Молчание.

Екатерина Ивановна. Павел, пойдди сюда.

Коромыслов. Нет, я лучше останусь здесь.

Молчание.

Екатерина Ивановна. Ты меня разлюбил?

Коромыслов. Я и никогда вас не любил.

Екатерина Ивановна. Зачем ты так говоришь... Послушай, ты серьезно?.. Нет, это неправда, ты меня любил.

Коромыслов. Нет.

Екатерина Ивановна (*вопросительно*). Тогда это подлость?

Коромыслов. Я никогда не говорил, что люблю вас. Потрудитесь вспомнить, Екатерина Ивановна.

Екатерина Ивановна. Для вас нет ничего святого.

Коромыслов. Очень возможно, что вы и правы. Я плохой человек. И в этом смысле ваш упрек я принимаю полностью.

Екатерина Ивановна. Послушайте, если вы не любите меня, то зачем же?.. Вы шутите? Не пугай меня, Павел, ты шутишь?

Коромыслов. Нет, дорогая, не шучу. У меня есть дурное правило: никогда не отказываться от женщины, которая сама идет ко мне в руки. Плохое правило, что и говорить, но ведь я и не выдаю себя за святого. Плохо, плохо, что и говорить.

Екатерина Ивановна. Но почему же теперь так?.. или теперь у нас новые правила?

Коромыслов. Потому что не хочу! Потому, наконец, что все это стало слишком гнусно и... Кто знает? Обманывая, часто сам обманываешься, и, в конце концов, я никогда не знаю: меня ли обманули, я ли

обманул. Да и не все ли равно?

Екатерина Ивановна. Вот вы какой... нехороший. Послушайте, Павел Алексеевич, вы очень испугались, когда я хотела броситься в это окно?

Коромыслов. Нет, не очень. Мы – живописцы по женской части и врачи по женским болезням – составляем две вредные в государстве группы, то есть вредные для женщины. Не то мы женщин слишком хорошо знаем, не то ничего не знаем...

Екатерина Ивановна. Вы влюблены в Лизу.

Коромыслов. Вздор, милейшая! И вообще я не советовал бы вам совсем говорить о сестре.

Екатерина Ивановна. Вы шутите?

Молчание.

Коромыслов. Екатерина Ивановна, а почему уехал от вас Алексей?

Екатерина Ивановна... Не знаю.

Коромыслов. Вы лжете, дорогая.

Екатерина Ивановна. Нет, не лгу. Откуда я могу знать, почему Алеша уехал, – может быть, ему надо заниматься. И почему вы меня об этом спрашиваете? – спросите лучше Лизу!

Коромыслов. Вы лжете, Екатерина Ивановна, послушайте меня... Я – много в жизни выдавший человек, но и мне порой... жутко смотреть на вас. Что делается с вами, я ума не могу приложить, смотрю и те-

ряюсь. Конечно, я не требую от вас полной откровенности, но, дорогая! – попробуйте, просто попробуйте поговорить со мной. Я не муж, со мной можно все говорить.

Екатерина Ивановна. Нет, вы шутите? Со мной ничего не делается.

Коромыслов. Это ужасно!

Молчание.

Екатерина Ивановна. Павел, пойдی сюда. Ты сегодня ни разу не поцеловал меня.

Молчание.

Павел!.. Так-то вы относитесь к вашим гостям, Павел Алексеевич!

Коромыслов. Это ужасно! Екатерина Ивановна, почему вы не выгоните Ментикова?

Екатерина Ивановна. Какие глупости – за что? Он очень милый и услужливый, и он постоянно нужен Георгию, он исполняет его поручения. Павел... Ты ревнуешь, Павел?

Коромыслов. Это ужасно!

Молчание.

Екатерина Ивановна. Ну, хорошо, я скажу тебе... Можно подойти к тебе? – мне трудно говорить, когда ты так далеко.

Коромыслов. Подойди.

Екатерина Ивановна подходит к нему и, переби-

рая рукой пуговицы на его пиджаке, смотрит ему в лицо слегка расширенными глазами; брови ее мучительно приподняты.

Ну?

Екатерина Ивановна. Послушай меня, Павел, я тебе скажу... Ты серьезно это говорил? – скажи!

Коромыслов. Да, да!

Екатерина Ивановна. Ах, не надо, не сердись, я скажу... Павел, может быть, мне лучше умереть?

Коромыслов. Ты мучаешься?

Екатерина Ивановна опускает глаза и долго в знак отрицания кивает головой.

Екатерина Ивановна. Нет.

Коромыслов. Ну, тебе больно? – и что же ты, наконец, чувствуешь, скажи! Ну, хоть иногда, в минуты просветления, ты видишь, во что ты превращаешься?

Екатерина Ивановна молча утвердительно кивает головой.

Это ничтожество, Ментиков, которого я, в конце концов, выгоню, потому что он крадет мои рисунки, я... теперь, кажется, Алексей, может быть, еще кто-нибудь... Почему уехал Алексей?

Екатерина Ивановна. Не знаю. Больше никого не было.

Коромыслов. Это правда? (*Екатерина Ивановна молчит и перебирает пуговицы.*) Это ужасно!

Екатерина Ивановна. Нет, правда. Больше никого не было.

Коромыслов. Это ужасно, Катя! К несчастью, я художник, на всю жизнь испорченный человек, и минутами я – как бы тебе это сказать? – даже с некоторым интересом, удовольствием вижу, как выявляется в тебе это новое и... И мне хочется раздеть тебя – нет, нет!.. и писать с тебя вакханку, Мессалину, и вообще черт знает кого. Боже мой, какая это темная сила – человек! Не знаю, чувствуешь ли ты это сама или нет, но от тебя исходит какой-то дьявольский соблазн, и в твоих глазах... минутами, конечно...

Екатерина Ивановна. Чувствую.

Коромыслов. Ты этого хочешь?

Екатерина Ивановна молча перебирает пуговицы.

Екатерина Ивановна. Не знаю. Может быть.

Коромыслов. Пусти! Екатерина Ивановна. Поцелуй. Коромысло в. Пусти же! Екатерина Ивановна. Поцелуй меня.

Коромыслов отрывается и ходит. Екатерина Ивановна остается на том же месте, стоит, опустив глаза и бросив руки вдоль тела. Молчание.

Коромыслов. Я не знаю, какую вы были раньше, Екатерина Ивановна, я плохо знаю вас, как плохо знаю всех женщин, которые не мои любовницы, но те-

перь – вы ужасны! И я ошибся: вы не вакханка. Вы что-то мертвое, умершее, и вы развратничаете или начинаете развратничать во сне!

Екатерина Ивановна. Пойдите!

Коромыслов. И этакая мерзость, и этакая гнусность! Ведь когда я сошелся, сходил с вами, я ведь думал, что вы живой человек, и, как с живым, борьба и все такое – а оказался просто мародером, который грабит трупы! Ведь вы труп, вы мертвая, Екатерина Ивановна! Этакая мерзость!

Екатерина Ивановна. Пойдите, пойдите!

Коромыслов. И, конечно, вам нужно умереть! Просите мужа, пусть пристрелит вас – благо уже стрелял однажды!

Екатерина Ивановна. Да погодите же! Я скажу... Павел Алексеевич, вы что сказали? Надо умереть, да? Да, да, надо умереть. Но как же я умру? – я не могу, я не умею! Боже мой, что же мне делать, к кому же мне пойти? Павел Алексеевич... Павел Алексеевич, что же мне делать? *(Как слепая, бродит по мастерской, натываясь на мебель.)* Павел Алексеевич... Там, за окном, эта пропасть. Да, да, это ужасно, это ужасно! *(Закрывает глаза ладонями рук и неровными шагами, колеблясь, медленно подвигается к окну. Коромыслов делает шаг к ней, но останавливается и наблюдает, невольно приложив обе руки к*

грудь.)

Екатерина Ивановна (*подвигаясь*). Я иду, я иду... Господи, я иду... (*Останавливается перед окном, смотрит – и, вскинув кверху руки, с неясным криком или плачем опускается на пол. Лежит неподвижно, лицом к полу, как внезапно застигнутая пулей и смертью.*)

Коромыслов. Екатерина Ивановна! (*Подходит, наклоняется. Осторожно касается плеча*). Екатерина Ивановна, Катя, как друг... Встаньте, ну, дорогая, ну, голубчик. Нельзя же так лежать.

Екатерина Ивановна (*шепотом*). Мне стыдно...

Коромыслов. Не слышу!

Екатерина Ивановна (*громче*). Мне стыдно, что я не могу, я потом сделаю это. Оставьте меня, уйдите.

Коромыслов. Вздор, вставайте! Вы не виноваты! Да ну же, дорогая... Так, так, и лицо нечего прятать: со всяким бывает, и делать вам с собой ничего не надо. Вот я вас на креслице посажу и вина вам дам... или нет, не хотите? Ну не надо, – правда, нелепая привычка: от всего лечить вином. Ну как, лучше?

Екатерина Ивановна. Да.

Коромыслов. Ну, и великолепно. Окно у меня, действительно... дай-ка я его задерну...

Екатерина Ивановна. Нет, не надо. Покажите мне.

Коромыслов. Что?

Екатерина Ивановна. Портрет Лизы.

Коромыслов. Не стоит, дорогая, не похоже, совсем плохо! Да и темновато уже, красок не разберешь.

Екатерина Ивановна. Покажите.

Коромыслов. Ну извольте, раз уж... *(Оборачивает портрет и сам смотрит вместе с Екатериной Ивановной.)* Вы понимаете, чего я хотел? В сущности, это воспоминание, и теперь Лизочка совсем уж другая, то есть не то, чтобы совсем... Но тогда, у вас, летом... Не плачьте, голубчик, не надо.

Откинув голову вбок, на спинку кресла, опустив руки между коленей, уже не глядя на портрет, Екатерина Ивановна плачет тихими слезами.

Да, жизнь. А может, и мне надо бы плакать, да куда уж, – поздно, и слез нет. Да, а поплакать не мешало бы. Станный я человек, и в детстве никогда не плакал и всегда про себя думал, что если я уж заплачу, так только кровавыми слезами. Понимаете? *(Глухо доносится звонок телефона).* Телефон, – а, черт. Можно? – я на минуту.

Екатерина Ивановна утвердительно кивает головой. Во все время отсутствия Коромысова она остается в той же позе, но плакать перестает.

Коромыслов *(входя).* Георгий звонил, сейчас сюда приедет. Что ему понадобилось? Говорит, что скучает без меня, давно не видал. По голосу в хорошем духе.

Так как же, дорогая?

Екатерина Ивановна. Мне уйти?

Коромыслов. Да, уж лучше уйти. Вы как себя чувствуете?

Екатерина Ивановна. Я сейчас.

Коромыслов. Да вы не торопитесь, успеется еще. Георгий, да... Екатерина Ивановна, вы сейчас в полном разуме и можете меня слушать?

Екатерина Ивановна. Да. Зачем едет Георгий?

Коромыслов. Не знаю. Одним словом, окно и пропасть – все это пустяки, драма, кинематограф – верно? А настоящее то, что вы должны забрать себя в руки, и я вас настоятельно об этом прошу, просто требую. Даете слово?

Екатерина Ивановна (*вставая*). Где моя шляпа?

Коромыслов. Вот. Ведь что, на самом деле, такое случилось? Ну, и наладится, только бы вы...

Екатерина Ивановна. Поищите шпильку, тут, на полу. Вы совсем не умеете ухаживать за дамами, а пора бы научиться!

Коромыслов (*находя шпильку*). А слово?

Екатерина Ивановна. Послушайте, Павел Алексич, вы серьезно?

Коромыслов. Что серьезно?

Екатерина Ивановна. Что наладится? Подайте мне шубку... вам нравится? Ментиков говорит, что вы

так должны написать меня. Отчего вы не хотите меня писать, тогда б я у вас каждый день бывала.

Коромыслов. Екатерина Ивановна!

Екатерина Ивановна. Опять? Не надо сердиться, ай, как нехорошо! К вам не идет, когда вы сердитесь: вы должны быть спокойным, равнодушным, тогда женщине с вами приятно.

Коромыслов. Я все-таки верю.

Екатерина Ивановна. Послушайте, вы серьезно? Не надо серьезно.

Коромыслов. Я верю!

Екатерина Ивановна. Ну, хорошо, вы такой милый, и я... Поцелуйте меня! (*Молчание*). Я ухожу; когда человек уходит, его всегда можно поцеловать. Нарочно, мы родственники, или...

Коромыслов. Как с Алешей?

Екатерина Ивановна. Почему с Алешей? – у вас опять какие-то гадкие мысли. Ну, разочек, ну, дружески... не хотите? Ну, скорее, а то сейчас муж придет (*делая страшные глаза*) – му-у-ж! (*Коромыслов молчит.*) Ага, – мужа испугались! А вдруг я скажу Горе, и он вызовет вас на дуэль, что вы тогда – ага, страшно? Я шучу, – он стрелять не умеет. Ну, нате, руку целуйте, если губки не хотите... Что, и руку не хотите? – Господи, как рассердился! Завтра я к вам приеду.

Коромыслов. Не надо.

Екатерина Ивановна. А если я еще хочу в окно посмотреть? там *(делая страшные глаза)* про-о-пасть. Как вы это давеча сказали: пропасть!

Коромыслов. Меня не будет дома.

Екатерина Ивановна. Послушайте, а если я все это шучу? *(Делая вид, что плачет.)* Какой злой, ничему не верит, даже до двери проводить не хочет. Злой! Прощайте, злюка! *(Уже открыв дверь.)* Послушайте, на минутку... Правда, что я похожа на вакханку? – нет, нет, я не то хотела. Уговорите Горю... как вы это сказали? – пристрелить меня. Или, может быть, вы сами?

Смеясь, уходит. Коромыслов мрачно проходит по комнате, потом останавливается перед портретом и рассматривает, заложив руки в карманы и пошвыстывая. Неопределенно покачивает головой. Хочет взять кисти и по дороге мельком заглядывает на себя в зеркало, задумывается и возвращается назад. Повертывает полотно изнанкой. Входит Георгий Дмитриевич.

Георгий Дмитриевич. Здравствуй, Павел, давай поцелуемся. Ну, как ты? Сейчас у парадного жену встретил, жалуется, что ты ее прогнал. За что так жестоко?

Коромыслов. Я думаю, что она тебе и дома надоела. Вино будешь? *(Звонит.)*

Георгий Дмитриевич. Пожалуй. Как тут у тебя кра-

сиво, – счастливый ты человек, что можешь так жить. А я, брат, замучился с делами: в двух комиссиях, третьего дня в Думе выступал...

Коромыслов. Читал и заочно поздравлял... (*Восшедшей горничной.*) Маша, дайте нам вина, вы знаете, какого... Читал, брат, читал.

Георгий Дмитриевич. А горничная у тебя недурна, – новая?

Коромыслов. Для отвода глаз мужьям.

Георгий Дмитриевич (*смеясь*). Да, ведь ты дамский...

Коромыслов. Дамский. Ты что это в сюртуке, разве ты не из дому?

Георгий Дмитриевич (*оглядывая себя*). А ведь и правда, в сюртуке. Не заметил. Я теперь иной раз, как с утра влезу в сюртук, так до самой ночи. Ну, что написал? – показывай.

Коромыслов. Да и вообще вид у тебя неважный. И если уж сюртук надевать, Георгий Дмитриевич, так и чистить его надо. Правый-то бок у вас в пуху.

Георгий Дмитриевич. Ну, это уж не я виноват, а горничная...

Горничная подает вино.

Положительно недурна. Павел, отчего ты нас забыл, – работа, что ли? У нас народ интересный бывает... да ты помнишь Тепловского Якова? Теперь, брат,

композитор, пианист, скоро знаменитостью будет – он у нас часто бывает. Хотел к тебе заехать. И Катя хоть и забросила музыку, но поигрывает – музыку бы послушал, – свинство, Павел, свинство!

Коромыслов. Огонь зажечь?

Георгий Дмитриевич. Нет, не надо.

Молчание.

Коромыслов. Горя, что у вас в доме делается?

Георгий Дмитриевич. А что? Как будто ничего особенного.

Молчание. Оба закуривают.

Георгий Дмитриевич (*изменившимся голосом*). Впрочем... Действительно, нехорошо. Ты что-нибудь знаешь?

Коромыслов. Знаю.

Георгий Дмитриевич. Тебе... Катя сказала?

Коромыслов. Сам догадался. Отчего ты, Георгий, молчишь? – говори, хуже не будет.

Георгий Дмитриевич. Да особенно плохого пока ничего. Правда, немного заброшены дети, и так кое-что... но Катя по природе здоровый человек, и я думаю, что все это наладится. Жалко вот, что Алеша уехал: он оказывал на нее хорошее влияние.

Коромыслов. А ты?

Георгий Дмитриевич. Я? Мое влияние, ты знаешь: вообще, как влияние мужа...

Коромыслов. Почему ты не выгонишь Ментикова? Прости, что я говорю так прямо, но мы с тобою не маленькие, и в прятки нам играть нечего... Кстати, на какие средства живет Ментиков? Я его как-то спросил, а он отвечает: «Я – джентльмен и личным трудом денег не зарабатываю». А мне именно кажется, что он мордой зарабатывает.

Георгий Дмитриевич. Оставь!.. Да, раз в прятки играть нечего, то... Все погибло, Павел, все пропало! Форма жизни как будто и осталась: хозяйство там, дети, наконец, моя работа... вот сегодня детям новые костюмчики надели, ну, а внутрь заглянешь – прямо, брат, ужас! Что делать, Павел, что делать?

Коромыслов. И давно это началось?

Георгий Дмитриевич. Не знаю. Не заметил начала. Да давно уж. И как ты думаешь, Павел, – скажи по совести, – неужели все это я наделал? А?

Коромыслов. Ну, как тебе сказать...

Георгий Дмитриевич. Нет, постой: неужели это я, именно я, своей рукой так исказил человека, образ человеческий? Ты подумай.

Коромыслов. Ты, не ты, а вообще совокупность обстоятельств и... характер. В Катерине Ивановне слишком много этого – как бы тебе выразиться, чтобы не соврать? – женского, женственного, ихнего, одним словом. Пойми ее, чего ей надо? Ну, скажем, иду я,

мужчина, в царствие небесное, и так всем об этом говорю, и так все это и видят: вот человек, который идет в царствие небесное. А женщина? – черт ее знает, куда она идет! То ли она распутничает, то ли она молится своим распутством или там упрекает кого-то... вечная Магдалина, для которой распутство или начало, или конец, но без которого совсем нельзя, которое есть ее Голгофа, ее ужас и мечта, ее рай и ад. Молчит, таится, на все согласна, улыбается, плачет... Катерина Ивановна часто плачет?

Георгий Дмитриевич. Нет, не видал. Редко.

Коромыслов. Наверное, плачет, как кошка, где-нибудь на чердаке, между стропилами. И вот пойми – чего ей надо? Понял – и вот тебе святая, и красота, и чистота, и неземное блаженство, а не понял – ну, и полезай к черту в пекло. Ты пробовал говорить с ней прямо?

Георгий Дмитриевич. Пробовал. Лжет каждым словом.

Коромыслов. Ну, конечно... Она и мне лжет, хотя бы, кажется, и незачем. И мы с вами, Георгий Дмитриевич, думаем, что это ложь, а это значит только то, что она просто не верит в логику, как ты не веришь в домового, не верит в твой мир наружный, не верит в твои факты, потому что имеет свой собственный мир. Пойми ее, если хочешь!

Георгий Дмитриевич. Да. Ты видел ее глаза?

Коромыслов. Подкрашенные?

Георгий Дмитриевич. Ах, не то! Она – как слепая: ты посмотри, как она ходит, ведь она натывается на мебель. Да, в каком мире она живет? И в то же время... она ужасна, брат, она ужасна. Я не могу тебе рассказывать всего, но наши... ночи – это какой-то дурман, красный кошмар, неистовство.

Коромыслов. Прости за нескромный вопрос – почему у вас нет детей?

Георгий Дмитриевич. Она не хочет.

Коромыслов. А ты?

Георгий Дмитриевич пожимает плечами. Молчание. Заметно темнеет, и огромный четырехугольник окна становится синим.

Пристрелил бы ты ее, Горя, – ты сделаешь доброе дело.

Георгий Дмитриевич. Да? Не могу. Походим, Павел. Знаешь, мне сейчас очень приятно, что мы с тобой так говорим, наконец... по-мужски. И у тебя так красиво, не то, что у меня дома. За этим окном улица?

Коромыслов. Да, улица. Отчего же не можешь? Силы, боишься, не хватит или веру в себя потерял?

Георгий Дмитриевич. Силы? Нет, голубчик, какой же я судья человеку? Я и себя-то не понимаю, а тут еще другого судить... Ах, и не в том дело, а в том, что я

– не могу, ничего не могу, понимаешь: ничего. Нищий. Дурацкая ли это покорность судьбе или рабство, прирожденное лакейство природы, для которого не хватало только случая...

Коромыслов. Ну, ну... не слишком!

Георгий Дмитриевич. Ах, Павел, ты еще не знаешь всей глубины моего горя! Вот жалуюсь тебе, что она лжет, – а я? Я, брат, и сейчас тебе тоже лгу... нет, не смыслом, конечно, а вот выражением лица, тем, что вместо крика, – рассуждаю, как у себя в комиссии. А работа моя, которой я, как щитом, только отгораживаюсь от совести, разве не ложь? Эх! Что делать, что делать!

Молчат и ходят.

Коромыслов. Живу я довольно долго, Горя, и заметил одно: у каждого себя уважающего человека на всю его жизнь есть одна пуля, одна-единственная пуля – понимаешь? И если ты как-нибудь поторопился, или сделал промах, или вообще ненужно ее израсходовал, то...

Георгий Дмитриевич. Понимаю, не договаривай, брат. Плохой ты утешитель, но что ж, – из песни слов не выкинешь.

Молчание. Ходят и курят.

Коромыслов. А себя ты мог бы убить, Горя? Прости, так, из интереса спрашиваю.

Георгий Дмитриевич. Я понимаю. По совести если – то не знаю. Скорее нет, чем да.

Коромыслов. А надежды никакой?

Георгий Дмитриевич. Надежда всегда есть. К несчастью.

Коромыслов. Да, к несчастью. Что же ты не пьешь вина?

Георгий Дмитриевич. Спасибо, не хочется. Кажется, уже фонари зажглись.

Оба подходят к окну и смотрят, вырисовываясь черными силуэтами на фоне посветлевшего окна.

Высоко?

Коромыслов. Шестой этаж. Пропасть!

Георгий Дмитриевич. А красиво. Так как же, Павел – жить-то ведь надо?

Оба молчат и курят, темные и неподвижные на светлом. Все более светлеет за окном, и все темнее в комнате. Тишина.

Занавес

Действие четвертое

Гости у Коромыслова. Кое-что изменено в обычной обстановке, кое-что добавлено: взятый напрокат рояль, живые цветы на столе и в вазах. В стороне стол с вином, закусками и фруктами. Большое окно на улицу наполовину занавешено. В задней части мастерской – ближайшей к авансцене – высокий занавес отделяет угол с диваном: здесь одна только лампочка в синем стекле, полутемно. Весь свет сосредоточен в глубине мастерской: там все ярко, колоритно, богато.

Коромыслов**, разговаривая и шутя, внимательно работает над картиной «Саломея». Саломея – **Екатерина Ивановна**. Полуобнаженная, она стоит на возвышении, с опущенной головой и потупленными глазами; в протянутых руках тонкое, кажется, жестяное декоративное блюдо, на котором предполагается голова Иоанна. За роялем **Тепловский Яков** – пианист, дородный человек с бритым, уже раскормленным, холеным лицом и ярко-белыми заметными зубами, которыми он производит впечатление. Держится нагло и прилично. Большею частью стоят около мольберта или стола с вином два художника, товарищи хозяина: **Торопец** и **Людвиг Станисла-

вович. Около стола хозяйничает неумело и смущаясь мальчик лет четырнадцати, в аккуратной курточке, хорошенький – племянник Коромыслова.

Из прежних знакомых трое, кроме Екатерины Ивановны: **Ментиков**, очень довольный и веселый, **Алексей** и **Лиза**. Лиза сидит одна в темном углу, тревожно прислушивается к разговорам; Алексей, одетый в штатское, бродит по мастерской, иронически и вызывающе относится ко всему, что говорят и делают художники. У него выросла небольшая бородка...

Коромыслов. Так, так, недурно... Яков, отчего не пьешь вина? – пей, за тобой некому ухаживать. Избаловали тебя дамы.

Тепловский (смеясь и показывая зубы). А тебя? Молчи, старый греховодник!

Коромыслов. Если что-нибудь в хозяйстве не так, господа, то простите холостяка. Журочка... Господа, вы все познакомились с Журочкой? – покажись им, Жура. Это мой племяш из Костромской губернии, талантливый мальчишка... Похозяйничай, Жура, не смущайся. За дамами поухаживай.

Тепловский. Ну, у тебя дам не богато.

Екатерина Ивановна (не меняя позы). А я?

Тепловский. Да какая же вы дама? Вы девица Саломея, да еще в руках у этого Ирода... Друг мой, Па-

вел, так нельзя – ты себя компрометируешь: разве это рояль? (*Берет две-три ноты.*) Мог бы обзавестись настоящим инструментом: денег зарабатываешь ой-ой!

Коромыслов. Вы не устали, дорогая? Ну, потерпите, потерпите, искусству нужно приносить жертвы. Денег нет, напрокат взял, – а что, дрянь?

Ментиков. Шер метр, давайте я похозяйничаю. Я умею.

Коромыслов. Вы? Ну ладно. А поить будете?

Ментиков. Я-то? Я сам уже выпил четыре рюмки коньяку, а вот теперь ликеру... или еще коньяку? Посоветуйте, Торопец.

Торопец (*издали*). Ну вас к черту.

Смех.

Людвиг Станиславович. Он вчера у Торопца эскиз стащил.

Ментиков (*рисуюсь*). Что за выражение... Так как же, Журочка... тебя зовут Жура? – что же мы теперь будем делать? Вам чего прикажете подать, Яков Львович?

Тепловский. Видно, я уж сам подойду.

Алексей. Павел Алексеевич...

Коромыслов. Что скажешь, голубчик?

Алексей. Вы это всем дамам говорите?

Коромыслов. Что такое говорю?

Алексей. Что искусство требует жертв.

Коромыслов. Всем. Они любят ласку.

Алексей. А искусство – жертвы?

Коромыслов. А искусство любит жертвы. Как ты находишь, Торопец? – что-то ты все косишь глазом.

Торопец (*энергично качая головой*). Нет, не нравится.

Коромыслов. Ого... А что же тебе не нравится?

Людвиг Станиславович. Пустяки. Взято сильно. Торопец торопится.

Смех.

Ментиков. Нет, вы представьте себе эту новость: я уже шестую рюмку пью, я уже совсем пьян! Катерина Ивановна, не браните меня сегодня: я уже шестую рюмку пью... Вы икорки, икорки свежей возьмите, редкостная икра, Яков Львович! Сам покупал у Елисеева.

Тепловский (*прожевывая*). Вы? Это почему же?

Ментиков. По поручению Павла... Павла Алексеевича. (*Громким шепотом.*) Яков Львович, а вы заметили, как хороша сегодня наша Екатерина Ивановна? Безумие! Отчего вы у них редко бываете?

Торопец. А я тебе говорю, что в ней Саломеи нет и ни на грош. Саломея... Это, брат, такое... у нее, брат, в одних глазах столько этакого, что так тут и сгоришь, как соломенная хата. А это что? – девица из немецкой портерной. Са-а-ломея!

Алексей (*иронически*). Я тоже нахожу, что здесь нет Саломеи. Саломея – тип весьма определенный.

Торопец. Верно.

Коромыслов. А вот мы сейчас вам покажем... Ну-те-ка, дорогая, взгляните-ка на этого Фому неверного... знает как?.. Так, именно, – здорово!

Екатерина Ивановна *взглядывает на Торопца и с хохотом сбегает с возвышения. Аплодисменты.*

Тепловский. Браво, Саломея! Сгорел художник, соломенная хата.

Ментиков. Браво, Саломея!

Екатерина Ивановна. Налейте мне вина, Тепловский. А вам хотелось бы, чтобы я на вас так взглянула?

Торопец. Скажите, как удивили... Ну и взглянула, ну и обожгла, н-ну и пронзила... так зачем же ты ее без глаз берешь. Что это тебе – институтка? А где страсть? – а где грех и это, как его... вожделение? Ага!

Коромыслов. Вздор!

Людвиг Станиславович. Конечно, вздор! Как вы не понимаете, Торопец: тут взять момент, когда страсть еще скрыта... она дрожит только в веках... но еще мгновение и... Грех – в этой линии плеч, в волнистом изгибе груди...

Алексей. Вы про кого, господа художники, говорите? Про Екатерину Ивановну? Какое странное искусство!

СТВО!

Коромыслов. Про Саломею, Алеша! Господа, где же Лиза?

Торопец (*сердито*). Про какую еще Екатерину Ивановну? Ну и плечи, ну и грудь, – это мне всякая натурщица даст... а ты глаза мне дай! Ведь я же видел, ведь это же богатство.

Коромыслов. Экую чепуху ты говоришь, Торопец. *Идет, прислушиваясь к спору, разыскивает Лизу. Спор двух художников продолжается. Алексей, пожилая плечами, отходит к столу.*

Тепловский. Ваше блюдо пусто, Саломея, позвольте мне положить на него свою голову.

Екатерина Ивановна. Вы хотите ее потерять?

Тепловский. Хочу быть вашим пророком.

Ментиков. Ха-ха... Это остро сказано. (*Напевает.*) «Так жизнь молодая проходит бесследно...» Господа пророки, выпьемте еще по одной!

Алексей. Катя... Георгий скоро приедет?

Коромыслов садится около Лизы.

Коромыслов. Что это вы в темноту забрались, Лизочка? Вам здесь не скучно.

Лиза. Нет.

Коромыслов. Правда, здесь глаза отдыхают. Но какую околесицу несет Торопец, вы слышали? Странный мы народ, художники...

Лиза. Да.

Коромыслов. Лиза... *(Берет ее за руку.)*

Лиза. Нет, оставьте мою руку. Павел Алексеевич, это правда, что Ментиков... Катин любовник? – я видела сегодня... нечаянно... на лестнице, как он поцеловал Катю.

Коромыслов. Да? Лиза, девочка вы моя милая...

Лиза *(прячась от него в угол дивана)*. Оставьте меня, слышите? Господи, Господи... Да уходите же! И как вам не стыдно говорить со мной, называть меня Лиза. Уходите, вы слышите?

Коромыслов стоит в раздумье. Пожав плечами, медленно выходит.

Ментиков. ...остро сказано. Господи, я сегодня так всех люблю, что готов со всеми выпить на брудершафт... *(Оглядывается и ищет.)* Жура, хотите?

Торопец. А раз любите, то и налейте мне рюмочку... да нет же, очищенной. Где тут эта самая... как его... ветчина? *(На кончике вилки тянет длинный кусок ветчины.)*

Коромыслов. Кутишь, Торопец? Ты лучше расскажи, как ты устрицы в Италии ел. Ну, как, дорогая, отдохнули? Пожалуйте на эшафот.

Алексей *(смеясь)*. На эшафот? Странное искусство... и вообще странные у вас разговоры, Павел Алексеевич! Не забудь же, Катя, что мне нужно с то-

бой поговорить.

Екатерина Ивановна. Хорошо. Я помню.

Коромыслов (*хмуро*). Ехал бы ты, Алексей, в свои меблированные комнаты.

Алексей. Выгоняете, Павел Алексеевич?

Коромыслов. Я, брат, даже Ментикова не выгоняю, а не то что такого доблестного юношу, как ты. Просто отеческое попечение о твоём же благе. Идем, Екатерина Ивановна.

Оба художника и Ментиков смеются. Екатерина Ивановна становится в позу, Тепловский перебирает клавиши. Минуты сравнительного затишья.

Людвиг Станиславович. Ментиков! Говорят, что у вас можно достать билеты в Думу.

Ментиков. Сколько угодно! А этюдик будет? – даром не даю.

Торопец. Дайте, пан, все равно стащит.

Алексей (*серьезно*). Очегу вы его не бьете?

Торопец. Его-то? Да не пробовали еще, а надо-таки попробовать.

Ментиков (*вставая*). И это вся награда за любовь к искусству. Ах, люди, люди, как вы злы!.. (*Напевая: «Так жизнь молодая проходит бесследно...», идет к темному углу, где Лиза*).

Тепловский. Катерина Ивановна! Будем кутить сегодня. Поедьте в автомобиле на острова – помните,

вы мне обещали? Я так не отстану.

Коромыслов. Не мешай, гнусный соблазнитель! Лучше сыграй что-нибудь по своей части. Ведь вижу, что завидки берут, – ну и покажись во всей своей красоте.

Ментиков садится возле Лизы.

Ментиков. Мечтаете? Мечты, мечты, где ваша сладость... Эх, Лизавета Ивановна! Вы ангел чистоты и невинности, и вы не можете этого понять, что нас гонит к алкоголю, одиноких и бесприютных мужчин. Ведь я буквально один, или как говорит Демон: опять один! Эх, Лизавета Ивановна!.. Лизочка...

Лиза. Не смейте так!

Ментиков (*нагло*). Отчего же так: не смейте. А Коромыслов может?.. странно! Лизочка!

Лиза (*вставая*). Я сейчас Алексею Дмитриевичу скажу.

Ментиков (*пугаясь*). Ну, ну, я не буду – я ведь шу-чу. Я шутник. Это люди почему-то считают меня мрачным, а ведь я шутник! Лизочка, виноват, Елизавета Ивановна, – ну, а ручку можно? Только пальчик, один малюсенький, невинный пальчик... Да я же шучу, как это глупо! (*Последние слова договаривает один, так как Лиза ушла. Еще некоторое время Ментиков сидит за занавесом, ожидая, не будет ли шуму; потом незаметно выходит и окольными путями пробира-*

ется к столу.)

Коромыслов. А, Лиза... Хотя ты покорми ее чем-нибудь, Алеша, а то совсем захиреет девица. Жура, Журочка, ты бы, голубчик, новые тарелки у Маши спросил.

Лиза. Вас зовут Жура?.. Спасибо, Алеша, мне не хочется.

Жура. Это дядя меня так зовет. Я приезжий из провинции.

Тепловский (*от рояля*). А тоже, погляди, знаменитостью будет. Павел, мне становится скучно.

Коромыслов. Потерпи.

Тепловский. Вы любите музыку, Елизавета Ивановна?

Лиза. Да. Не особенно.

Тепловский. Павел, я начинаю беситься! Я сбегу, вот тебе крест. Что на самом деле: затащил в гости, сам устроился недурно, а гостям приходитсядохнуть от скуки. Как это назвать, Торопец?

Торопец. А что ж! М-мне не скучно.

Коромыслов. Да и Саломея моя что-то головку повесила. Устали, Катерина Ивановна?

Екатерина Ивановна выпускает из рук блюдо, и оно падает со звоном. Екатерина Ивановна стоит неподвижно. Пауза. Все слегка недоумевают.

Тепловский (*недоумевая*). Что такое?

Коромыслов (*громко*). Э, чего там, так нельзя: буду же я Иродом и потребую... Саломея, прошу! Танец семи покрывал!

Тепловский. Это идея! Bravo, bravo! Танец!

Ментиков. Требую! Bravo, bravo! Это идея!

Лиза. Не надо, Катя!

Торопец (*сердито*). Почему не надо? Надо!

Коромыслов. Да играй же, Яков!..

Тепловский. Да вот не знаю что... Ну, ладно, сойдет!

Импровизирует, сбиваясь, и, снова начиная, постепенно находит. Екатерина Ивановна бросает исподлобья недоверчиво-кокетливые взгляды, колеблется.

Ментиков. Мы ждем, Катерина Ивановна! Осчастливьте смертных!

Алексей (*тихо*). Если я еще услышу ваш голос, я выброшу вас вон в то окно.

Ментиков (*тихо*). Почему же меня? Я не один, все кричат.

Алексей. Вы слышали?

Ментиков поспешно отходит. Музыка. Екатерина Ивановна, поглядывая все так же вопросительно и кокетливо, выходит на середину и в нерешимости останавливается. Видно, что она не умеет танцевать. Забрасывает вверх, как для полета, тон-

кие голые руки и делает несколько слабых, неловких движений, мучительных своею неразрешенностью. Одно мгновение кажется, что она сейчас заплачет. Коромыслов кричит: «браво, браво!» – он со стаканом вина стоит у камина и наблюдает. Екатерина Ивановна как-то странно вскрикивает, кружится, беспомощно и дико взмахивая руками, и сразу останавливается в позе бесстыдного вызова. Губы ее слегка приподняты злой улыбкой, глаза смотрят, презрительно и нагло. Неловкое молчание.

Во время танца вошел Георгий Дмитриевич и, никем не замеченный, остановился почти у порога.

Торопец (не глядя, тихо и смущенно). Нет, это что же! Какой же это танец...

Коромыслов (решительно). Браво, Екатерина Ивановна!

Екатерина Ивановна, не отвечая, короткими, решительными шагами идет к столу.

Георгий Дмитриевич (слабо). Браво, браво!

Коромыслов. А, Георгий, что поздно! Видал? – ведь недурно.

Георгий Дмитриевич. Видал. Здравствуйте.

Здороваается. Торопец, здороваясь, привстает и роняет салфетку.

Цветешь, Яков? А, и ты тут, Алеша? – давно не видались, что редко заглядываешь... занят? Ну, кто

еще... Лиза, Катя... с ними я сегодня виделся (*смеется*). Ох, ну и устал же я сегодня: пять часов толкли воду в ступе.

Торопец. В комиссии?

Георгий Дмитриевич. Да, даже в двух.

Коромыслов. Накачивайся сам, хозяев тут нет. Дай ему тарелочку, Жура... Ну, а как твои?

Георгий Дмитриевич. Кто мои?

Коромыслов. Да дети.

Георгий Дмитриевич. А, дети! Благодарствуй, хорошо. А у тебя как с картиной?.. Да ты, если нужно продолжать, продолжай – я гость не стеснительный.

Коромыслов. Пусть отдохнет. Катерина Ивановна, вы погуляйте, дорогая, ножки разомните.

Екатерина Ивановна. Хорошо. (*Отходит от стола*). Алеша, пойди сюда.

Тепловский. Тебе вина, Георгий?

Георгий Дмитриевич. Пожалуйста.

Ментиков (*скромно*). Георгий Дмитриевич, вы знаете, сколько я сегодня выпил? Восемь рюмок.

Георгий Дмитриевич. Да? Лизочка, я сейчас заезжал домой, и дети спят.

Лиза. Ты устал, Горя?

Георгий Дмитриевич. Ничего, голубчик, пустяки.

Торопец. А по-моему, извините, пожалуйста, вся эта работа ваша ни к чему... Посмотреть на ваше ли-

цо, извините, пожалуйста, больше работника не найдешь, труженика, который...

Спорят. *Екатерина Ивановна приводит Алексея в тот угол, где темно.*

Екатерина Ивановна. Сядем, Алеша, я устала.

Алексей. Нет, мне надо поговорить.

Екатерина Ивановна. Георгий приехал, ты видал? – ах, да что же я спрашиваю – конечно, видал. Тебе понравилось, как я танцевала?

Алексей. Нет. Мне надо с вами поговорить. Зачем вы сегодня опять приезжали ко мне? – Я вас не велел пускать. Что это, Катерина Ивановна!

Екатерина Ивановна. Я тебя люблю.

Алексей. От вас пахнет вином! Какой ужас!

Екатерина Ивановна. Спаси меня. Я тебя люблю. Что они делают со мной, Алеша? Ты видел, как я танцевала, а Георгий кричит, вдруг говорит: браво. Ты думаешь, что я тебя люблю? – я тебя ненавижу, ненавижу. Я укушу тебя.

Алексей. Пусти мои руки.

Екатерина Ивановна. Ты боишься греха, что Георгий твой брат? Я хочу целовать тебя, дай мне твой рот. Ты мой пророк, ты моя совесть... Отчего у тебя так дрожат руки. Посмотри, какая у меня маленькая грудь как у девочки... Тебе приятно, что я положила твою руку на грудь?

Алексей (*шепотом*). Пусти.

Екатерина Ивановна. Поцелуй меня. Никто не увидит. Никто не узнает. Хочешь сегодня ночью?

Алексей (*почти громко*). Прочь!

Отталкивает Екатерину Ивановну с такой силой, что она падает на диван. Лежит, не шевелясь, и снизу вверх, со странной улыбкой на Алексея. Тот поднимает обе руки с таким видом, будто в них камень и он хочет обрушить его на женщину.

Ты!..

Екатерина Ивановна, не мигая, смотрит ему в лицо и улыбается все той же странной улыбкой. Молчит. Не найдя слов, Алексей в отчаянии хватается за голову и быстро выходит. Не оглядываясь, так же быстро идет к двери. Спина его слегка согнута, как под тяжестью.

Уходит.

Коромыслов. Куда он?.. Алеша, ты домой?

Лиза. Алеша, погоди.

Коромыслов (*удерживая ее за руку*). Твоего Георгий, сегодня ядовитая муха укусила. Ты не знаешь что с ним?

Тепловский. Весьма нервный юноша!

После ухода Алексея Екатерина Ивановна еще мгновение остается в той же позе, затем встает, слегка оправляется и медленно выходит к другим.

Неловкое молчание.

Екатерина Ивановна (*не садясь, у стола*). Дайте мне вина, Тепловский! Горя, Алеша просил передать, что он завтра приедет поговорить с тобой.

Георгий Дмитриевич. О чем?

Екатерина Ивановна. Не знаю. У него голова болит.

Тепловский (*подавая бокал*). За наш автомобиль, Екатерина Ивановна...

Екатерина Ивановна (*выпивая*). И еще...

Тепловский (*намекая*). А еще за что?

Екатерина Ивановна (*равнодушно*). Вы сами знаете. Горя, ты разрешишь нам поехать покататься на автомобиле? – ты добренький, ты умный, ты позволишь.

Георгий Дмитриевич. Если тебе так хочется...

Тепловский. Ура!.. Разрешил, разрешил...

Екатерина Ивановна (*небрежно гладит Георгия Дмитриевича по волосам*). Вы видали, Торопец, какой у меня хороший муж? Вы бы его написали. Хорошенький, добрый, такой добренький...

Коромыслов. Ну, муж разрешил, а я пока не разрешаю: власть искусства сильнее власти закона... Мен-тиков, дарю вам этот афоризм, взамен двух этюдов. Да и на что, в самом деле: танцевала, танцевала, ба-рынька, и вдруг весь заряд даром. Руку, дорогая...

(Берет ее за руку и ведет к возвышению.)

Тепловский *(пожимая плечами)*. В конце концов это невыносимо. У вас нет сигар, Ментиков?

Ментиков. Увы, шер метр... Нету. Яков Львович, вы серьезно хотите ехать на автомобиле? Тогда я могу позвонить по телефону – у меня есть знакомые...

Тепловский. Благодарствуйте. У меня тоже есть знакомые. Ну, давайте папиросу... папиросы-то у вас хорошие?

Коромыслов. Да ты, Георгий, ближе подойди... ты еще не видал: ну? – как находишь?

Георгий Дмитриевич *(смотрит)*. Интересно задумано.

Коромыслов. Ты его послушай.

Георгий Дмитриевич. Да? *(Смеется, возвращается к столу.)* Это мое вино?

Ментиков *(продолжая)*. Елизавета Ивановна сегодня очень мрачна – ей не нравится наше веселье. А вместе с тем, что останется от жизни, если из нее выкинуть веселье. Но она не желает этого понимать.

Лиза. Вы пьяны.

Ментиков. Ну и пьян – так что же из этого. Я человек скромный, но у меня есть свои потребности: выпить рюмку вина в хорошей компании... За ваше здоровье, Георгий Дмитриевич, и за всех, кто не кривляки.

Лиза. Горя... Скажи ему.

Георгий Дмитриевич (*мягко.*) Кажется, вы, действительно, выпили лишнее, Аркадий Просперович.

Ментиков. Я (*со слезами в голосе*). Вы мой друг, Георгий Дмитриевич, старший брат, и я подчиняюсь решению вашего голоса, но какое право имеет она? Кто такое она, желал бы я знать, извините меня за смелость...

Екатерина Ивановна (*внезапно*). Я не хочу держать пустого блюда. Что это вы мне дали?

Тепловский (*смеется*). Верно...

Екатерина Ивановна. Я уже два часа держу пустое блюдо. Зачем это? – это глупо, я не хочу. Дайте мне голову пророка, я хочу голову пророка...

Коромыслов. К следующему сеансу закажу. Стойте, стойте...

Екатерина Ивановна. Я не хочу. Дайте мне голову пророка или... (*Далеко отбрасывает блюдо, и оно со звоном падает*). Вот... Сами хотите, чтоб я была Саломея, а пророка нет, и это наглость. Всё какие-то людишки, жабы...

Коромыслов (*оглядывая кисти*). Одни Ироды.

Екатерина Ивановна. Молчать... (*Бледнея.*) Вы не смеете так говорить с женщиной. Если я согласилась вам позировать, то вы не имеете еще права...

Георгий Дмитриевич. Катя, он шутит...

Лиза. Катя...

Ментиков (*злобно*). Пророк ушел. Таких пророков водой лечить надо...

Екатерина Ивановна (*спускаясь с возвышения*). Молчать... Я честная женщина и не позволю... Налейте мне вина, я вам говорю ...

Георгий Дмитриевич. Не надо, Катя... Едем домой.

Екатерина Ивановна. А я говорю дать... Чей это стакан, все равно (*пьет*). Кто говорит, что Алеша – пророк? (*Пьет.*) Алеша такой же дрянь-мальчишка, и если я захочу, я заставлю ползать его по земле, как собаку. Лизочка, посмотри, какие они все смешные и глупые, посмотри... Вот этот (*показывая на Тепловского*) очень хочет, чтобы я... но я ни-ни-ни... Я здесь царица, а они все мои рабы, и все хотят одного: и вы, и вы, и вы... Что это за мальчишка?

Коромыслов. Пойди к себе в комнату, Жура.

Екатерина Ивановна. Пойди ко мне, мальчик (*целует его*). Ты славный, ты хороший... Ты из деревни приехал? Лиза, посмотри, какой славный мальчик, он из деревни приехал, поцелуй его.

Коромыслов. Много чести. Иди-ка, брат, иди.

Екатерина Ивановна. Нет, поцелуй...

Тепловский. Лучше меня поцелуйте, я тоже мальчик из деревни.

Екатерина Ивановна (*вставая*). Молчать... Вы опять свои гадости говорите?

Георгий Дмитриевич. Да он же шутит...

Ментиков. Конечно, шутит. Остро сказано...

Екатерина Ивановна. Нет, как он смеет говорить, чтобы я его поцеловала? Я честная женщина и... Вы знаете, что он три раза стрелял в меня и хотел убить, но честная женщина, я ему никогда не изменяла... Я так тогда испугалась, когда он достал револьвер: Господи, думаю, неужели он хочет меня убить? Налейте мне вина...

Георгий Дмитриевич отходит и, покачивая головой, бродит по мастерской.

Коромыслов. И охота старое вспоминать, Екатерина Ивановна. И вина не стоит, а давайте-ка я надеву шубку и поедem мы себе... Георгия оставим, Бог с ним, с этими мужьями, а возьмем Лизу...

Екатерина Ивановна. Нет. Я с ним в автомобиле поеду. Вы думаете, я пьяна – какие глупости. Художник, я вам нравлюсь?

Торопец. Нет.

Екатерина Ивановна. Врете, нравлюсь. А вам, художник? Но вы такой строгий, и я вас боюсь...

Тепловский. Мне нравится.

Георгий Дмитриевич. Павел, увези ее... Я не могу... Я...

Коромыслов. Увезу, увезу... Эка беда, подумаешь, подпила барынька, это с нами каждый день бывает... А что, разве она часто?

Георгий Дмитриевич. Первый раз вижу... Павел, я с ума схожу...

Коромыслов. Ну, ну, не сойдешь. Ты на Лизочку посмотри, вот кого мне, пожалуй, и жалко...

Екатерина Ивановна. Нет, вы серьезно, вы любите меня? Ах, я теперь не верю в любовь...

Тепловский. И уж не верю я в любовь...

Екатерина Ивановна. Нет, серьезно, я раз хотела выброситься в это окно. Вы не верите – как это глупо... А я вам говорю, что хотела и Богу уже помолилась... нет, струсила... Струсила... Лизочка, посмотри – я голая совсем... отчего это?

Лиза. Ты по... позируешь.

Екатерина Ивановна. Ах да, а я и забыла совсем: смотрю, совсем го-о-лая сижу, а кругом мужчины. Я устала, Лизочка, я ужасно устала, попробуй, какая у меня тяжелая голова. Ах, как я устала...

Лиза. Поедем, Катя...

Екатерина Ивановна. Нет. Где пророк? Чего вы смеетесь... где пророк?

Тепловский. Ты мне предоставь это, Георгий, я с ними умею обращаться. Час покатаю по морозцу, и как рукой снимет.

Коромыслов. Да пусть уж. Возьми открытый автомобиль.

Тепловский. Ну, конечно. Устал, Горя, заработался? Я к тебе завтра обедать приеду, кстати, узнаю... Живешь в номерах, один, как черт, и так, знаешь, тянет? к семейной жизни, к очагу... Бодрись, Горя...

Ментиков. Остро сказано... Bravo, Екатерина Ивановна. Нет, нет, господа, ко мне это не относится, я в пророки не лезу. У меня есть свои потребности, но я скромный; человек и...

Тепловский. Едем, Екатерина Ивановна...

Екатерина Ивановна. Куда?

Тепловский. А как приказывали: мотор готов. Едем, дорогая, погода прекрасная, и мы славно...

Лиза. Я с тобою, Катя.

Екатерина Ивановна. Ты? Нет, дружок, тебе не надо. Мы с ним кутить поедем, это он думает, что домой. Я домой не хочу...

Тепловский. Да и не надо... *(Подмаргивает Георгию Дмитриевичу.)* Кутить так кутить, я парень компанейский... едем...

Екатерина Ивановна. Видишь, Лизочка, Дай я тебя благословлю... будь умница, хорошая, дай тебе! Бог... В детскую пойди, деток моих поцелуй... Чего же ты плачешь, глупенькая?

Георгий Дмитриевич. Едем домой, Катя...

Ментиков. Конечно, домой, Екатерина я вас прошу, поедемте домой... А то что же это: вместе пришли...

Коромыслов. Подите-ка сюда, Ментиков, на слова...

Георгий Дмитриевич. Катя, ради Бога...

Екатерина Ивановна. Нет, какие глупости. *(Вставая.)* Ох, голова кружится... где же автомобиль?

Делает несколько шагов и опускается в кресло.

Нет, я туда не могу. Горя, дай мне сюда шубку, я хочу, чтобы ты одел меня. И ботики...

Георгий Дмитриевич выходит. Ментиков огорченно стоит в стороне.

Коромыслов. А не холодно вам будет, дорогая... Ты смотри, Яков, не простуди! Плед возьми.

Тепловский. Ну вот еще, ученого учи!.. *(Нетерпеливо.)* Да что же он там? – надо самому пойти... Ага...

Горничная и Георгий Дмитриевич вносят платье Екатерины Ивановны; Георгий Дмитриевич одевает жену; став на колени, надевает ботики. Все собрались около, только Ментиков в стороне, и на дальнем диване, спрятав лицо, плачет Лиза.

Торопец. Ну, мы тоже. Прощай, хозяин.

Екатерина Ивановна *(целуя мужа в голову).* Миленький, мне так приятно, что ты меня одеваешь. Ты тоже устал? Бедненький! Ты береги себя, не простудись... Хорошо?

Георгий Дмитриевич (*целуя руку и вставая с колен*). Хорошо.

Тепловский. Готово? Идем... Позвольте, я вас под руку возьму, Екатерина Ивановна, вот так... днем это неприлично, а сейчас...

Все прощаются с Георгием Дмитриевичем; он кланяется очень низко.

Коромыслов. Я провожу вас. Маша, идите вперед и огонь дайте...

Но в дверях маленькая остановка: Екатерина Ивановна оборачивается и зовет.

Екатерина Ивановна. Горя! Пойди сюда, Горя... Миленький, я хочу благословить тебя.

Коромыслов. Что за религиозное настроение... довольно уж!

Екатерина Ивановна (*строго*). Не шутите, это серьезно. Ну, до свидания, миленький. Господь с тобою!

Коромыслов. Наконец-то! Я сейчас, Георгий! Все уходят.

В мастерской остаются только Георгий Дмитриевич, Лиза и Ментиков. Лиза плачет, и плач ее все слышнее; Ментиков, повертевшись по комнате, подходит к Георгию Дмитриевичу и осторожно присаживается около него на диван. Молчание. Ментиков вздыхает.

Ментиков. Уехала наша Екатерина Ивановна.

(Молчание, вздох.) Папиросочку хотите, Георгий Дмитриевич?

Георгий Дмитриевич несколько мгновений с неопределенным выражением смотрит на него и берет папиросу. Слышнее плач Лизы.

Занавес